

Девушка с тату пониже спины

Автор:

[Эми Шумер](#)

Девушка с тату пониже спины

Эми Шумер

Девушка без комплексов

Шумер – голос поколения, дерзкая рассказчица, она шутит о сексе, отношениях, своей семье и делится опытом, который помог ей стать такой, какой мы ее знаем: отважной женщиной, не боящейся быть собой, обнажать душу перед огромным количеством зрителей и читателей, делать то, во что верит. Еще она заставляет людей смеяться даже против их воли.

Эми Шумер

Девушка с тату пониже спины

© Е. Ракитина, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Посвящается Кимби и Джейси

Записка моим читателям

Привет, это я, Эми. Я написала книгу! Давно хотела это сделать, потому что мне нравится смешить людей и поднимать им настроение. Некоторые истории, которые вы тут прочтете, будут смешными – вроде той, когда я обосралась в Остине. А от каких-то вам станет немножко грустно, например, когда нас с сестрой продали в Италии в секс-рабство. Шучу. Этих историй в книге нет, хотя обе произошли на самом деле, такая невезуха.

К слову, все, что в этой книге есть – было на самом деле. Здесь все правда и ничего, кроме правды, и да поможет мне Бог. Но это не вся правда. Как нетрудно представить, я вам, ребят, не все рассказываю.

Эта книга – не автобиография. Я такое стану писать, только когда мне стукнет девяносто. Мне только что исполнилось тридцать пять, так что до тех пор, когда я дорасту мемуары строчить, еще далеко. А пока я захотела поделиться историями из своей жизни: дочери, сестры, подруги, комика, актрисы, возлюбленной, девушки на одну ночь, сотрудника, нанимателя, любовницы, бойца, врага, пожирателя пасты и пьяницы.

Еще хочу прояснить: в этой книге **НЕТ НИКАКОГО ПОМОГИ-СЕБЕ-САМ И НЕТ СОВЕТОВ**. Последние несколько лет меня просили писать статьи на всякие темы. Из серии «как найти мужчину». Или как мужчину удержать. Или как в нужный момент помассировать мужчине простату. Я не знаю, как это все делается. Я – облажавшаяся неудачница, я ничего значимого не открыла, так что никакой мудрости для вас у меня нет. А вот чем я могу помочь, так это показать вам свои ошибки, свою боль и смех. Я знаю, что для меня важно, – и это мои родные (не все, упаси бог, только некоторые). А еще смеяться и радоваться жизни с друзьями. И, конечно, временами получать оргазм. Опытным путем я выяснила, что по крайней мере раз в день – лучший вариант.

В общем, я надеюсь, вам понравится моя книжка, а если нет – пожалуйста, никому не говорите.

Пожелайте мне удачи!

Открытое письмо моей вагине

Начну с того, что мне очень жаль. Продолжу тем, что я тебе благодарна.

Знаю, ты со мной намучилась. Я позволяла чужим людям лить на тебя горячий воск, а потом выдирать из тебя волосы. Некоторые тебя даже обжигали, хотя я им говорила, что у тебя очень чувствительная кожа. Но я сама пошла в то стремное заведение в Астории, в Квинсе, которое тебе показалось притоном. На моей совести твои дрожжевые инфекции и ИМП, я слишком подолгу носила чулки и лосины, зная, что у тебя из-за этого будут проблемы. Еще хочу извиниться за Лэнса из команды по лакроссу, который так с тобой обошелся пальцем, как будто ты ему денег задолжала. Это был отстой, и я полностью на твоей стороне, когда ты из-за этого писаешь кипятком. Но навещали же тебя и хорошие гости, правда? А? Признай, мы с тобой здорово вместе повеселились. Я даже поборолась за право называть тебя по телевизору «киской», – знаю, тебе так больше нравится.

Я честно старалась, взрослея, пускать к тебе только тех, кто точно тебя не обидит, – и, думаю, все сделала, чтобы сохранить тебе здоровье. Знаю, иногда я пускала к тебе без презерватива. В свою защиту скажу, что так гораздо приятнее, и я это разрешала только тем, с кем встречалась и кому доверяла. Ну, по большей части. Ну и повезло же нам, правда?

Еще я хочу попросить прощения за тот раз, когда мы с новым парнем занимались сексом, а потом не смогли найти презерватив, и потом, через три дня, я поняла, что он застрял, и мне пришлось, как говорится, «тужиться», чтобы его выловить. Тебя это, наверное, просто шокировало. Или, может, весело, когда у тебя так долго гостят? Как бы то ни было, я виновата!

Ну, что скажешь? По пивку? Ладно, хорошо, никаких дрожжей. И ты угощаешь.

Мой единственный секс на одну ночь

У меня только раз был секс на одну ночь, один раз за всю жизнь. Да, один. Знаю, очень жаль разочаровывать тех из вас, кто думает, что я постоянно расхаживаю, держа в одной руке «маргариту», а в другой дилдо. Может быть, меня неправильно понимают, потому что на сцене я собираю все свои самые дикие, самые чудовищные воспоминания о сексе – всего выходит где-то пять случаев за тридцать пять лет. Когда вы о них слышите подряд, наверное, ощущение такое, что моя вагина – дверь-вертушка универмага Macy's под Рождество. Но я рассказываю про эти несколько обломов, потому что слушать про чью-то здоровую, обыденную сексуальную жизнь не смешно. «В общем, вчера ночью мы с моим парнем легли в постель, обнялись уютно и ласково, а потом он нежно занялся со мной любовью». Зрители уйдут, и я уйду с ними, даже не сомневайтесь.

К тому же даже я сама иногда путаю свой сценический сексуальный образ с разумной, вмняемой настоящей личностью. Иногда я пытаюсь себя убедить, что могу заниматься сексом без чувств – таким, про который всегда слышала от мужчин и от Саманты из «Секса в большом городе». Бывает всякое, но 99.9 процента времени я не такая. Я даже никогда не уходила с мужиком после выступления. Разве не грустно? Двенадцать лет езжу с гастролями – и ни разу не встретила ни с кем после концерта, не привела домой и даже не развлеклась. Ничего. У меня есть знакомые комики-мужчины, которые говорят, что ни разу не спали с девушкой, которая сперва не смотрела их выступление. У меня все точно наоборот. Я этим занимаюсь не ради членов. Я получаю удовольствие от секса, как все, и чаще всего он у меня с теми, с кем я встречаюсь, я просто лежу в позе Счастливого Младенца и издаю звуки, чтобы было понятно, что мне хорошо. Когда у меня никого нет и кто-то предлагает секс на одну ночь, я, в общем, все еще себя берегу, я девушка такая, и при мысли о том, что в меня входит какой-то неведомый хрен, пульс у меня не частит. Вот только однажды, в тот раз...

Я как раз была на гастролях и направлялась из одного чудовищного города в другой: из Фейетвилла, Северная Каролина, в Тампу, Флорида. Я не боюсь об этом писать, не боюсь, что на меня разозлятся – потому что знаю точно: никто из тамошних жителей в жизни не прочел ни одной книжки. Шучу. ШЧ. ШЧ. ШЧ. ШЧ., но не то, чтобы совсем ШЧ. Когда надо добраться из одного такого города в другой, имеешь удовольствие лететь по небу на крошечном куце автобуса, который почему-то все-таки называется самолетом. Чтобы войти, нужно пригнуться, весь полет слушаешь пропеллеры, а еще кто-то тихонько поет «Ла-ла-ла-ла ла бамба», – но надеешься, что это только у тебя в голове.

Так вот – раннее утро, и я с похмельем. Я уже сказала, что выступала в Фейетвилле, а там потом нечего делать, только пить, пока глаза не закроются. В аэропорт я приехала, как всегда – без косметики и лифчика, треники и футболка, сандалии. Я не из тех, кто дивно выглядит по утрам. Я бы сказала, что выгляжу один в один как Битлджус – которого сыграл Майкл Китон, а не того, который все время появляется у Говарда Стерна. Я наслаждалась этим чудесным мгновением жизни, никто меня не фотографировал, разве что я влезала в кадр. Я была просто чудесной девушкой тридцати одного года, открывала и закрывала рот, – и поняла, что забыла почистить зубы, – ну, не столько почистить забыла, сколько зубную щетку забыла в Чарлстоне, а купить новую в Северной Каролине мне не пришло в голову. Это у меня один из способов понять, что накануне я слишком много выпила: проснуться с синими от вина зубами и достаточно размазанной под глазами подводкой, чтобы походить на полный пипец для новоанглийских патриотов. Все это к тому, что именно в то утро я выглядела жутко, воняла карри – и брось мне кто-нибудь доллар в кофейный стакан, приняв меня за бездомную, я бы подумала: «Ага».

Я добралась до безопасности, а там – он: под метр девяносто, накачанный, светло-рыжий, лет тридцати пяти. Первый поцелуй у меня был с рыжим, и с тех самых пор они – моя слабость. А этот – самый красивый мужик за всю мою жизнь. Я завелась сразу, едва его увидела. Быстренько пометим себе: ТАК ВАШУ МАТЬ НЕ БЫВАЕТ. Мужчины каждый день смотрят на женщин, которые ходят мимо в юбках и узких джинсах, и у них случаются эрекции на секундочку, ну, хотя бы слегка привстает. Но у женщин такое редко, чтобы увидела мужика и подумала: Тыдыщь! Я его рассматривала сверху донизу, пытаюсь отыскать хоть сантиметр, который не был бы Гастоном из «Красавицы и Чудовища» – и хоть бы хны. Ему не хватало только конского хвоста и бантика.

Я вздохнула, и перед тем, как пройти в рамку металлоискателя, он на меня посмотрел. Вся моя кровь прилила к вагине, я улыбнулась ему – и тут же вспомнила, что похожа на Брюса Виленча. (Тем из вас, кто его не знает и слишком ленив, чтобы погуглить, скажу: просто представьте сову-сипуху в светлом парике.) Я прошла безопасность, двинулась к своему выходу и – бум! Снова он, и выглядит еще круче, чем раньше. На нем был джемпер с длинным рукавом, облежавший грудь достаточно плотно, чтобы все там разглядеть. А там – то, к чему хочется прижаться щекой и дышать феромонами, пока этот парень тебя не возьмет, как Марлон Брандо в «Трамвае “Желание”», или Райан Гослинг в чем-у-год-ноооо.

Я рванула в туалет, пытаюсь отыскать в сумочке косметику, а сумочка у меня – настоящая бездонная яма, если мне что-то нужно (да и в любое другое время). Не вру: у меня в сумке все, что у настоящего страуса в гнезде. В жизни не соглашусь на проект глянцевого журнала «Что у вас в сумочке?», потому что народ увидит все это веселье и нежданчики и, наверное, решит, что меня надо в больницу. Я нашла румяна и помаду, подумала: «Отлично. Вот и все, что мне нужно, чтобы сделать из двойки четверку». Глянула в зеркало, увидела, какую угревую сыпь себе нарисовала, и заржала. Пофиг. Закатала треники, чтобы открыть лодыжки, подумала: «Подчеркнем мои самые выигрышные части». Почистила зубы пальцем, поплескала везде водой. Вышла как на подиум и проплыла точно мимо него. Он ни разу, ни на секунду не взглянул на меня в терминале.

Я купила жвачку и журнал с Дженнифер Энистон на обложке и, раздавленная, села в самолет. Устроилась на крошечном кресле у окна и стала читать, как Дженнифер планирует умереть в одиночестве, это так несправедливо, – и тут опять он, заходит в самолет. Он шел по проходу, я смотрела на него, у него мышцы на руках выпирали, огромные руки сжимали сумку, пока он пробирался между креслами. Я думала: «Может, когда он будет проходить мимо, притворюсь, что чихнула... и упаду перед ним на пол... и он споткнется и свалится в меня». А потом я увидела, что он садится рядом.

Нет, подумала я. Не может он сидеть со мной. Нет, нет, нет. Но – ДА! Гейм, сет, мать его, матч, подумала я; поехали.

Я никогда не разговариваю с попутчиками в самолетах. Тут как повезет, и мне везло то на Джеймса Тобэка (погуглите), который сказал: «Женщину толком и не узнаешь, пока жопу ей не вылижешь», – еще даже до взлета, то на даму, которая три часа показывала мне фотографии своей покойной птички. Но на этом рейсе я сразу повернулась к нему.

– Привет, я Эми.

Он улыбнулся, открыв щербинку между передними зубами. Больше всего на свете люблю такие щелочки у мужчин.

– Привет, я Сэм, – сказал он с британским акцентом.

Скоро я выяснила, что он служит в британской морской пехоте и что в городе он всего на пару дней. Я не знала, что нафиг делать. Слишком много всего. Мне казалось, что в меня что-то вселилось, и я не владею голосом, как Сигурни Уивер в конце «Охотников за привидениями». У меня, как говорится, началось бешенство матки. Кем говорится? Не знаю. Заткнитесь и читайте дальше, как меня обработал этот британский супергерой. Мы взлетели, и я сделала вид, что ооочень боюсь летать. Нас совершенно не болтало, но я все равно нашла повод вцепиться в его руку и уткнуться лицом в его плечо, вдыхая его запах. Я открыто на него вешалась, и мы оба смеялись от того, каким ледоколом я перла. Клитор у меня стучал, как Сердце-обличитель, и я все вспоминала песню 98 Degrees «Дай мне всего одну ночь» (UnaNoche). В то время я была типа немножко знаменита, но он обо мне не слышал, и это был еще один большой плюс. Я сказала ему, что вечером у меня концерт и, может, встретимся после. Мы обменялись имейлами, и я молилась всем богам, чтобы это произошло.

Пару раз я уже была в таких ситуациях, когда у меня мог случиться секс на одну ночь, но я просто не смогла пойти до конца. Раз или два инстинкты говорили мне «нет». Не было ощущения безопасности. Но в основном я не делала этого просто из лени. Я думала о всяких бытовых вещах, типа – когда можно будет уйти и поесть пасты? Мы не встречаемся, так что я не могу делать всякое домашнее – типа зубы почистить, умыться, надеть маску для сна и вставить беруши. Предполагается, что все должно быть горячо и сексуально, но утром я похожа на Шрека-блондинку. Что будет утром? О чем нам говорить? Мне вызвать ему uber? А если он скажет что-нибудь обидное или попытается заняться со мной сексом с утра, когда, как нам обоим известно, вагина у меня пахнет, как миска рамена? Я просто слишком прагматична и ленива для секса на одну ночь. Я думаю о последствиях и не пью, как пила в колледже.

Но с Сэмом было совсем по-другому. Он меня так заводил, он был воплощением моих фантазий. Даже акцент делал его каким-то нереальным. Мне не было больно из-за того, что он вернется к себе домой, за границу, вскоре после того, как взойдет солнце. Когда мы расстались в аэропорту, я отправилась на концерт и всю дорогу задерживала дыхание, надеясь, что он мне напишет. И точно: когда концерт закончился, меня ждал имейл, в котором он спрашивал, как все прошло. В ответ я прикололась, что меня заметили и что меня в этом бизнесе ждет успех.

Он написал: «Кто тебя заметил?».

Я ответила: «Фокусник. Буду у него ассистенткой». Мне казалось, это довольно смешно.

Он написал: «Он тебя распилит пополам?».

Я ответила: «Я надеялась, это сделаешь ты».

БАМ! Самое агрессивно-сексуальное и самое правдивое, что я когда-либо написала. И это сработало.

Мы договорились встретиться в баре на первом этаже моей гостиницы. Выпили по полбокала пива, потанцевали под Айс Кьюба, который нам сказал, что все можно, если попотеть, – и ушли. Проход через ярко освещенный вестибюль в полумрак лифта добавил до фига реальности в то сексуальное приключение, которое мы оба пытались пережить. В лифте у меня крутилось в голове следующее: трахни меня трахни меня трахни трахни трахни.

В тот момент мне правда было нужно подпитать свою сексуальную уверенность. Я недавно узнала, что парень, в которого я была влюблена и с которым встречалась в прошлом, оказался геем. Хотя с тех пор, как мы встречались, и прошло какое-то время, его камингаут все равно разбил мне сердце. И я начала сомневаться в себе. Человека, благодаря которому я так долго чувствовала себя красивой и желанной, привлекают мужчины. Я думала: я что, похожа на мужика? Когда становишься старше и мудрее, уверенность черпаешь изнутри, а не из того человека, с которым занимаешься сексом. Но в тот момент известие, что парень, с которым я встречалась, оказался геем, меня крепко придавило. Мне было сложно чувствовать себя сексуальной, и я сомневалась в том, стою ли чего-то.

И входит Сэм – прекрасный, мужественный мужик мечты, который хочет помочь Стелле вернуть радость жизни. Лифт еле полз.

Мы добрались до моего очень стандартного номера и не стали терять время.

Я бросила сумку, мы разделись до белья и легли в постель. Вопросов, что это мы делаем, не было. У нас обоих была одна и та же цель: сожрать друг друга. Фууууу, знаю, простите. Но это правда. Все было правильно. Целовать его было правильно. Тело его было правильным. Мы рванули вперед. Я не могу прям так

вот выдать вам «Пятьдесят оттенков», поэтому просто сообщу некоторые факты. Мы оба много отдавали и брали (ртом). Мы оба не могли поверить, что это все на самом деле (обкончались оба). Он был такой благодарный и воодушевленный (мы даже дали друг другу пять в какой-то момент). И это было потрясающе (секс, а не дать пять). После угнетающего открытия, что парня, с которым я столько раз занималась сексом, привлекают мужчины, было совершенно невероятно, что меня обнимает такой небожитель и что я себя с ним чувствую желанной и красивой. Секс был идеален. Сэм был идеален. Мы оба с ума сходили, наслаждаясь каждым запахом, звуком и прикосновением.

Когда мы наконец закончили, я сказала, что мне очень приятно было с ним познакомиться, и пожелала ему успеха во всех его начинаниях. Он поверить не мог, что я не хочу, чтобы он остался. Настолько не мог, что остался, и мы занялись сексом еще по крайней мере раза три, с ласковыми перерывами на рассказы, смех и объятия.

В конце концов я все-таки сказала, что ему пора. Секс с незнакомцем меня, судя по всему, не смущал, но вот спать с ним рядом – это было слишком личное. Он попытался заговорить про будущее, но я дала ему понять, что не хочу ничего, кроме этой ночи. Я сказала, что все было идеально и что больше у меня никогда не будет секса на одну ночь, потому что ничто сравнения не выдержит. Мы поцеловались на прощанье, и я уснула с самой широкой улыбкой и благодарностью.

Я понимаю, что одна из лучших ночей моей жизни – это всего лишь одноразовый секс в Тампе. Но я себя чувствовала Марлен Дитрих в «Марокко». Для протокола: я не предлагаю, чтобы все ограничивались сексом на одну ночь. О нет, нет, совсем нет. Хотя некоторым из нас пошло бы на пользу, если бы мы до конца своих дней занимались сексом на одну ночь и только. Но со мной эта встреча случилась, когда я не ощущала себя привлекательной для мужчин. И вообще сексуальной. Мне просто была нужна уверенность в себе, и ночь неожиданного секса с накачанным рыжим британцем была антибиотиком, который мне был необходим, чтобы избавиться от застарелых соплей. (Можно придумать более неэротичную метафору? Нет. И еще, по-моему, антибиотики не помогают.)

Мы все знаем, что секс на одну ночь – не чудесное исцеление для разбитого сердца и упавшей самооценки. Вся эта дрянь может выйти боком. Мы все пробовали поправить дело сексом и в результате чувствовали себя еще более одинокими, и бежали обратно к тому козлу, от которого только что с таким

усилием ушли. Но иногда секс на одну ночь может помочь исправить что-то конкретное. И даже лучше: иногда, когда пытаешься исправить что-то сексом, обнаруживаешь, что он – сам по себе награда. Он ничему не учит. Он просто для радости. И иногда куча заслуженных оргазмов от парня, который на тебя смотрит, как на жратву, и как раз тогда, когда тебе, твою мать, это необходимо, это то, что доктор прописал. Нельзя ли учредить национальный день рыжих? Этот парень заслуживает, чтобы в его честь провели парад или что-то такое.

Он связался со мной еще пару раз, когда опять приезжал в Штаты, но я осталась верна намерению сохранить святость того, что странным образом восприняла как самую чистую ночь в своей жизни. И до сих пор воспринимаю.

Я интроверт

Я – интроверт. Знаю, что вы подумали: «Эми, да какого ты? Только что нам рассказала, как переспала с первым встречным в Тампе, а теперь косишь под скромницу? Никакая ты не застенчивая скромница, ты шумное пьяное животное!» Ладно, согласна. Иногда так и бывает. Но я совершенно точно интроверт, классический, как по учебнику.

Если вы вдруг не знаете, что значит это слово, я вас быстро просвещу. Если знаете, пролистайте до главы, в которой говорится о том, где найти в Пекине лучшие туалеты формата «дыра в полу». Шучу. Нет у меня такой инфы. И вообще, вашу мать, просто прочитайте мое определение интроверта. Чего вы так торопитесь листать, извращенцы?

Быть интровертом вовсе не значит быть застенчивым. Это значит, что вам нравится быть одному. Не просто нравится – вам это нужно. Если вы настоящий интроверт, вас окружают в основном энергетические вампиры. Вы их не ненавидите; вам просто приходится продумывать, когда к ним выходить – как на солнце. Понятно, они дают вам жизнь, но еще они могут вас сжечь, так что у вас появится морщинистая лонгайлэндская ложбинка между грудями; всегда боялась, что у меня такая будет, а теперь – ничего не поделаешь, такую и завела. Для меня медитация и наушники в метро служат кремом от солнечных ожогов, они меня защищают от ада, который называется «другие люди».

Есть фотография из National Geographic, которая мне очень нравится. Молодой бурый медведь мирно сидит, привалившись к дереву на границе Финляндии и России. Подпись под фото – примерно такая: «Медвежата гонялись и играли целый день, а потом один из них отошел на несколько минут, расслабиться в одиночестве и насладиться тишиной». Для меня это очень много значит, потому что я так и делаю! Только в моем случае медведя оттаскивают от места отдыха под деревом, несколько человек красят ему лицо, завивают волосы и всовывают в платье, чтобы выпихнуть на арену – ездить на таком маленьком цирковом велосипеде. Я не говорю, что мне не нравится смешить людей, но все-таки маленькому лохматому интроверту там непросто.

Я знаю, некоторые из тех, кто писал книгу, продвигались с трудом и на куски рвались на каждой странице. Но для меня писать эту книгу было одним из величайших удовольствий в жизни. Сидеть, писать, ни с кем не разговаривать – так я хотела бы проводить лучшую часть дня, каждый день. Вас это, может, и удивит, но вообще-то я большую часть дней провожу в одиночестве, если только не снимаюсь, что интроверта жутко выматывает. Как только подходит время обеда, я отбегаю от столов с едой и мчусь в свой трейлер или в тихий уголок, где можно помедитировать. Мне нужно полностью отключиться. Время, проведенное в молчании, для меня как еда. А еще я очень много ем. Но когда я не снимаюсь, мне нравится день напролет сидеть одной. Разве что выйти на часок пообедать с другом, но это все.

Если ты артист, – особенно артистка, – считается, что тебе нравится все время быть «на работе». Ничего менее похожего на правду про меня и моих знакомых артистов сказать нельзя. Мне, так получилось, внушили в детстве, что, раз уж я девочка, да еще и артистка, мне должно нравиться быть приятной, вызывать у всех улыбку, и мне все время должно быть легко это делать. Думаю, всем девочкам это внушают, даже тем, кто не работает в шоу-бизнесе, как я. От женщины всегда ждут, что она будет любезной хозяйкой, что у нее всегда найдется шутка и что она приправит смехом чужие анекдоты. Именно нам вечно приходится улаживать неловкие моменты всякими милыми словами, от которых с души воротит. По сути, мы – гейши, которым не платят. Но когда не оправдываешь этих ожиданий (потому что ты интроверт, например), все начинают считать, что или у тебя депрессия, или ты сука. Может, я и сука, но не потому что не хочу хлопать глазами и улыбаться, пока мне кто-то рассказывает, как бегал в средней школе кросс.

Про мою интровертность я начала догадываться, когда уже жила с бойфрендом Риком. Но даже маленькой я всегда знала, что-то тут не то. Я не любила так подолгу играть, как другие дети, и всегда сливалась, если предлагали заночевать в гостях. Но когда я выросла и мама уже не была готова примчаться за мной среди ночи, для меня многое прояснилось. Можно сказать, что с Риком у меня впервые были взрослые отношения, и я в первый раз играла с кем-то в дом, подражала женатикам, которые добросовестно исполняют свои обязанности насчет друзей и родных друг друга. Помню, как мы собрались к его семье на праздники и как я почувствовала, что мне придется часто отлучаться, чтобы передохнуть от общества симпатичных людей, с которыми мы проводили целый день. Примерно раз в полтора часа я уходила в его комнату или выходила пройтись. Никто мне ни слова не говорил, но на часы они явно поглядывали. Как-то Рик меня привел на свадьбу своего друга. Два часа проговорив о ерунде и исполнив кучу формальностей, я спряталась в ванной. Мне больше было нечего отдать и нечего сказать, ничего внутри не осталось. Только невыносимое чувство, что я бреду по воде.

Лишь подружившись с коллегами-комиками и артистами, я поняла: быть интровертом нормально. Даже когда мы едем вместе в отпуск или в тур, каждый на время уходит к себе в номер, а потом мы пишем друг другу эсэмэски, прежде чем побеспокоить стучком в дверь. Непростая особенность, когда твоя работа в том и состоит, чтобы все время ездить и видеть новые лица, новые города, новую публику. На этой работе пересекаешься с таким количеством народа! И чувствуешь себя полным дерьмом, если не отдашь немного энергии и не перемолвишься парой слов с каждым водителем, администратором в гостинице, промоутером, рабочим сцены, зрителем, официантом и так далее. И про «отдашь» я серьезно. Энергия между подзарядками не бесконечна. Она, сука такая, уходит. Не то чтобы я не уважала всех этих людей, которые трудятся и делают свою работу (с особенностями всех этих профессий я, кстати, знакома лично, потому что работала всем, чем можно, кроме дулы. Об этом еще поговорим потом). Я понимаю, что они не со зла, и знаю, что вокруг – толпы тех, кто, в отличие от меня, хочет поговорить с таксистом о том, как долетел, и какая погода в Нью-Йорке (мороз, жара – кому какое дело?). Сколько ключей от номера вам потребуется? (Сто девять.) Просто я – не такая, я не хочу тратить чужое время и силы (свои и чужие) на бессмысленную болтовню ни о чем. Каждый раз, забрав тебя в аэропорту, водители тут же спрашивают, что тебя привело в этот город и чем зарабатываешь на жизнь. Когда я была еще зеленая, отвечала прямо, но с тех пор поумнела, потому что каждый раз получается одно и то же:

– Так вы комик?

– Я вас раньше видел?

– Вы есть на Joutube?

– О, у меня двоюродный брат комик. Зовут Руди Мордожоп. Знаете его? Погуглите.

– Знаете, кто правда смешной? Джефф Данем.

– Вам надо снять передачу про таксистов.

– Я вам расскажу смешное для вашей передачи.

– Вы снимались в том кино?

– Нет? Точно?

– Мне вообще не нравятся женщины-комики.

Вот это меня просто убивает. Это вроде как сказать между делом: «Я вообще-то черных не люблю». Как бы то ни было, женщине-комику такое говорить грубо. И, дайте угадаю, вы всего одну женщину-комика видели за всю свою жизнь, было это в восьмидесятые. И еще кое-что: вы небось от нее были в восторге.

Поэтому, чтобы избежать таких разговоров, я одно время применяла легенду и говорила, что я учительница. Но за этим все равно следовало слишком много вопросов, и я стала говорить: «Я зарабатываю на жизнь, рассказывая истории». Это звучит достаточно стремно, чтобы болтовня прекратилась.

Я могу весь вечер простоять на сцене, рассказывая тысячам людей о своих самых уязвимых и личных переживаниях – вроде соображений о парне, который последним во мне побывал, или о том, что жру, как червоугодник из фильма «Семь», когда напьюсь. Но на вечеринках или в компаниях, где мне кажется, что я должна «общаться», я так себя не веду. Обычно я нахожу себе укромный уголок и тут же там поселяюсь, как девочка из «Звонка», надеясь, что никто не захочет подойти со мной поговорить. Но если время и место окажутся удачными,

я могу быть довольно милой. Например, я несколько раз приятно беседовала с голыми старушками в раздевалках спортзалов. Даже если они сушат волосы феном, выставив седой лобок, я поговорю.

Наверное, неудивительно, что иногда я предпочитаю человеческому общению социальные сети. Это, видимо, тоже свойственно интровертам. Социальные сети просто лучше работают – ну, как интернет-свидания. Все можно делать быстро и безболезненно, а когда выясняешь, что кто-то псих или с ним не смешно, можно одним движением пальца выйти из разговора. Даже фотографии, которые люди выбирают, чтобы вывесить в Instagram, могут сэкономить кучу времени. Как-то раз я оборвала отношения, которые могли перерасти в романтические, из-за того, что чувак запостил похороны собаки друга. То есть реально, как тело собаки опускают в землю в мусорном мешке. И написал, что для него было честью поучаствовать. Это даже не его собака была!

Я считаю, надо думать, что ты вешаешь в Instagram. Надо, чтобы посты делали людей лучше. Похороны собаки – явно не о том. Но из его поста я поняла, что его прет от печали, что ему нравится быть частью трагедии – так он себя чувствует живым и значительным. А вот я больше всего люблю постить, как моя сестра собирает кашки за своей собакой, когда мы идем гулять. Почему не быть самим собой и не показать себя как есть? Чуть ли не в первый раз, когда меня застукали папарацци, я каталась на доске на Гавайях. Я себя даже не узнала. Увидела фото в журналах и подумал: «Круто. Альфред Хичкок жив и любит водные виды спорта». Но нет, это я была. Когда подруга мне сказала, что видела снимки в сети, это так прозвучало, как будто мои родители, оба, погибли на пожаре. Но я тут же с гордостью запостила самую жуткую фотку в Instagram, потому что мне показалось, она смешная до уржачки. Я часто над собой смеюсь в этой книжке, но поймите, чувствую я себя хорошо, я здорова, сильна и вдувабельна. Я не самая горячая телочка в помещении. Я типа третья по горячести барменша у «Дейва и Бастера» в Цинциннати. А в другой раз, когда папарацци меня поймал за возмутительным актом поедания сэндвича, я тут же вывесила уточнение по поводу мяса (они написали «с ветчиной», но он был с прошутто).

С другой стороны, есть же мужчины и женщины, мы все их знаем (и знаменитости, и обычные люди), которые постят только потрясающие фото своего брюшного пресса или снимки, на которых они внезапно такие все ослепительные. Нет, ну их всех. Я даже знать не хочу никого, кто не едва держится из последних сил. Социальные сети – отличный инструмент для нас,

интровертов, и приличных людей вроде того. В них проходит меньше времени между тем, как подумаешь, что кто-то крутой, и поймешь, что он же – отстой. Не понимаю, как интроверты выживали без интернета. Да и с интернетом. Я вообще не понимаю, как мы выживаем. Кажется, это невозможно.

Теперь, зная, что я интроверт, я лучше управляюсь с этой своей особенностью – и, в общем, начала видеть в ней положительные стороны. Например, широко известно, что многие CEO – интроверты, и я тоже хорошо себя чувствую, когда руковожу, над чем бы ни работала. Я собираю вокруг себя умных, талантливых людей, позволяю им делать свою часть работы, выслушиваю их идеи и просчитываю, как успешнее с ними сотрудничать, чтобы на выходе получить лучшее из возможного. Я сама пишу себе шутки, когда дело касается стендапа, но все остальное я создала благодаря совместной работе небольших команд смешных людей, которые работали самостоятельно; так я больше всего люблю делать дело. Никого не удивит, что многие писатели – интроверты, так что сценарная группа моей программы с удовольствием по чуть-чуть работает бок о бок, а потом все исчезают по одному и прячутся в свои творческие коконы по домам, чтобы заняться делом. Мы в основном пещерные жители, общаться у нас получается только очень ограниченное время. Если взять любой рабочий день сценарной группы, расписание его будет выглядеть примерно так:

Полдень: Группа собирается в офисе.

12.15: Группа заказывает обед. Все хотят супа, но суп доставляют по два часа, так что останавливаемся на Vagaburger. Кайл Данниген всегда заказывает дольше всех, потому что не употребляет глютен и лактозу, и нам всем вечно приходится это выслушивать. (В этом году он слез с безглютеновой и безлактозной диеты, и мы все злимся, что он бросил – после того, как мы столько об этом наслушались.)

12.16–12.59: Группа обсуждает, как долго везут обед, и ноет.

13.00–13.15: Обедаем и треплемся про шоу «Холостяк».

13.15–13.30: Перерыв на сходить в туалет. Курт Мецгер рассказывает, как он отлизал стремной девице.

13.30–14.00: Обсуждаем идеи сцен либо моем кому-нибудь кости. Смотрим ролики на Joutube.

14.00–15.00: Обсуждаем, чем перекусить. Я в сотый раз иду пописать.

15.00–16.00: Переписываем сценарий, чтобы стало поживее.

16.00–19.00: Все едят у себя дома, в безопасности.

Трудно быть на людях, когда пытаешься что-то придумать, и я не понимаю, как работают авторы вечерних шоу: они весь день вместе, выдают шутки и сцены. По-моему, мне повезло, что у меня огромная команда, в которой все позволяют другим делать свое дело, а когда каждый пишет свое – это самое лучшее. Мы с сестрой Ким часто садимся рядышком на диван и едим один и тот же фильм, тихонько, не разговаривая – даже не часами, а день за днем. Скажем друг другу по паре фраз, и все они о еде.

Так что в заключение я хочу отдать должное секретному оружию интровертов – одному из величайших приемов, который позволяет нам справляться с ситуациями, требующими пребывания на людях. «Уход по-английски» – его я довела за годы до совершенства. Никакой обиды для англичан в этом названии нет. Вы, ребята, просто гении, раз придумали и запатентовали способ слиться так, что никому ничего не приходится объяснять. Даже если я напилась, я могу выскользнуть отовсюду, незаметно, как ниндзя, никого не предупреждая, – классический поступок интроверта, всегда так делаю. Я как Омар Литтл из «Прослушки». На самом деле нет. «Эми, я не видела, как ты вчера ушла... ты не попрощалась!». Ну а то, зайка моя. Если я с тобой попрощалась, то по чистой случайности, потому что ты стояла в дверях, когда я взяла на них курс.

Хотела бы я по-английски уйти из этой главы – ведь я, что характерно, вымоталась из-за того, что так долго писала о себе. Но сначала, прежде чем профессионально слиться, хочу напомнить, чтобы вы не судили шумную, часто бестактную, неуравновешенную блондинистую книжку по обложке. (Разве что эту книжку, потому что у нее и обложка хороша, и внутри тоже все хорошо.) Моя работа требует, чтобы я над собой смеялась в микрофон и жила с душой нараспашку, но это само по себе не значит, что я не могу в то же время быть интровертом. Хотите – верьте, хотите – нет, но у меня сложная внутренняя

жизнь, как и у вас, и мне нравится быть одной. Мне это необходимо. И я никогда в жизни не была такой счастливой, как тогда, когда, наконец, это про себя поняла. Так что, если вы, как я, интроверт, особенно женщина-интроверт, или если вы из тех, кому приходится отдавать силы всем вокруг, я хочу вам сказать: найдите время побыть в одиночестве. Не бойтесь извиниться и уйти. Подзаряжайтесь столько, сколько вам нужно. Прислонитесь к дереву, отдохните от других медведей. Я там тоже буду, но обещаю вас не беспокоить.

О том, какво быть «новыми деньгами»

Nouveau riche – это такое выпендренное название для богатого человека, который свое богатство заработал сам. Не унаследовал от прадедушки. Вкалывал ради него. Или вот так вот просто взял и купил лотерейный билет. Но мне больше нравится термин «новые деньги», потому что ты как бы говоришь: «Да, я быдло, и мне норм!»

Я – новые деньги.

Считаю, мне повезло, что я живу в Америке, где к таким, как я (к быдлу), относятся так, словно они по прямой линии происходят от сотенной купюры. В Англии с теми, кто сам себе при жизни заработал бабла, так не носятся. Там новые деньги считают вульгарными. А в Америке новые деньги уважают больше, чем старые, потому что их так или иначе заработали. Мы тратим свои новые деньги на всякую фигню вроде спа, где угри объедают отмершую кожу с пальцев наших ног, или нам закачивают в жопу жир тюленят-бельков, чтобы мы опять казались молодыми. (Кучу морских обитателей вот так утилизируют.) Нам аплодируют. Вперед, сделай благотворительный проект, верни немножко, и в Штатах всем плевать, откуда у тебя бабло. Тебе заделал ребенка баскетболист, и ты его выпотрошила? Отлично, вот тебе свое личное телешоу. Записал секс со средней руки рэпером? Держи ключ от миллиардной корпорации. Или как в моем случае: шутила про члены перед пьяными в зальчиках заведений типа «Косточка-пищалка» или «Банановый гамак»? Круто! Хочешь контракт в кино?!

Оглядываясь назад, я понимаю, что технически второй раз попадаю в категорию новых денег. Когда я была маленькая, мои родители жили в типичнейшем для новых денег стиле... пока не сорвались в стиль без денег, как раз в мои нежные

предподростковые годы. Но я забегаю вперед.

Я родилась сокровищем-полуеврейкой в больнице Леннокс Хилл, в Западном Ист-Сайде, и прибыла за пять кварталов домой, в наш огромный дуплекс, на лимузине. Это папа придумал. Раскроем карты, родители у меня были богатые. Мы купались в деньгах. То есть они купались. Брали частный самолет на Багамы прямо перед вылетом и думали, что эта шикарная жизнь никогда не кончится. А она кончилась.

Отцу принадлежала компания, называвшаяся «Лондонский Льюис», они занимались детской мебелью, импортировали кровати и всякое такое из Италии. Не помню, почему компанию называли «Лондонский Льюис», но если они подыскивали выпендренное название, которое возьмут только новые деньги – чтобы звучало люксово и по-иностранному, – то они попали прямо в точку. В то время никто не торговал изысканной иностранной мебелью для детей, так что богатые родители с Манхэттена устремились в отцовский магазин, где могли выбрать самые модные тюрмы для младенцев, какие только можно купить за деньги.

Когда я была маленькой, у меня были дорогие вещи, как у богатых. Мы переехали из города в маленький пригород на Лонг-Айленд, когда мне было пять. В пригород из тех, где раз в неделю едят омаров, а на завтрак по воскресеньям – копченую рыбу. Как мы это называли, «побудь евреем на всю катушку!». В омаровые вечера мама приносила домой живых, из магазина, и клала их на пол в кухне, чтобы мы с братом и сестрой с ними поиграли. Тогда мне казалось, что это просто такое веселое занятие перед тем, как сварить вкусных панцирных. Но сейчас я понимаю, что мы играли со своей будущей едой – вроде как если бы Русалочка съела Себастьяна; и это было не круто. Они что, не могли нам просто золотую рыбку купить? Другие дети гоняли на великах снаружи, а мы устраивали гонки омаров, они у нас бились, как гладиаторы. Бред. Как бы то ни было, я помню, каково было расти в богатом доме, больше всего по части еды. Если подумать, я в основном помню о любом событии или моменте жизни именно это – что ела. Пару лет назад, до того, как у меня появились «настоящие» деньги, я спросила Джадда Апатоу, прикольно ли быть богатым, – и он мне объяснил, что когда становишься богатым, понимаешь, что все хорошее в жизни бесплатно. Можно купить дом, сказал Джадд, можно купить отличные суши и диски – но, в общем, и все. И все-таки мне, обслужившей кучу столиков и доедавшей с чужих тарелок по дороге на кухню, казалось, что дорогие суши – это неплохо.

В общем, «Лондонский Льюис» захватил рынок – пока другие магазины не начали торговать детской мебелью из Европы, и родители все потеряли. Случилось это, так вышло, как раз, когда отец заболел рассеянным склерозом. Невыносимо вовремя, дорогое Мироздание! Я не помню, каково это было – все потерять, но помню, как забирали отцовскую машину, когда мне было десять. Я смотрела, как он стоял на дорожке с пустым лицом, пока машину вывозили. Мама утверждает, что не знала, как там было с деньгами, но будь это программа MTV «Настоящая жизнь: Бабло Сквозь Пальцы», там бы сказали: «Она спустила его деньги на меха и дома». А будь это фильм по Лайфтайм, сказали бы: «Она стала жертвой, чья жизнь страшно изменилась за долю секунды». Не знаю, что из этого правда. Наверное, ни то, ни другое. Я только знаю, что мама заперлась в доме, отказываясь принимать реальность, когда забирали черный «порше» с откидным верхом.

Я, по большому счету, не заметила потери, но почувствовала, как изменилось качество моих дней рождения. Наверное, именно тогда я сильнее всего ощутила перемену в финансовом положении своей семьи. Когда мне исполнилось девять и у нас еще были деньги, родители устроили мне «праздник на ферме» в нашем прекрасном доме на Сарри-лейн, тихой улице в центре Роквилла. В то утро в гараж рано-рано поутру поставили коробку с дырочками. Когда я сняла крышку, на меня уставилась стайка утят. Я решила, что умерла и попала в рай. Помню, как в глубине души поверила, что я та девочка из «Паутины Шарлотты». Я так влюбилась в этих малышей, что могла бы сидеть и гладить их весь день и умерла бы счастливой.

Мы могли себе позволить полный фарш, поэтому весь день настоящие фермеры по очереди доставляли к нам домой настоящих животных. Эй, заводите ослов! У нас был пони; козы; цыплята. Если вы выросли в Айове, вы, наверное, читаете это и думаете: и чо? Пара животных во дворе для вас – обычный вторник. Но поверьте, если вы из Нью-Йорка и у вас на дорожке перед домом корова, вы богаты – и на год станете самой популярной девочкой в школе. Мои друзья нарядились в комбинезоны, играли в куче сена и просто с ума посходили. Если взглянуть на это здраво – стыдобища, конечно: компания богатеньких детишек, которым казалось, что превратиться на время в бедных деревенских детей – это весело. Еще я как-то была на дне рождения, где устроили бой едой. Можете себе представить, если бы голодающие сирийские дети увидели, как еду вот так запросто выкидывают? Меня передергивает.

Но вы не волнуйтесь: очень скоро ирония явилась, чтобы куснуть меня за жопу. После того как родители потеряли все деньги, наша жизнь делалась все менее и менее приятной. Мы начали переезжать в дома поменьше, пока не стало казаться, что спим мы все кучей. И не веселья ради, как в «Там, где живут чудовища». А печальной, нищей кучей, как дедушки и бабушки в «Чарли и шоколадной фабрике». (Эми, ты когда-нибудь ссылаешься на взрослые книжки? Нет!) Когда я пошла в колледж, мама переехала в квартиру в подвале, где единственная спальня досталась моей сестре Ким, которая меня на четыре года моложе, а мне приходилось спать в одной постели с мамой. (Совет: когда напьетесь в хлам, не пытайтесь продинамить таксиста, а потом залезть к маме в постель голышом. Таксист пойдет за вами, постучит, матери придется перед ним извиняться и платить, а вы будете лежать голышом под одеялом, хихикать и вертолеты ловить... подружка рассказывала.)

Но, если честно, я никогда не чувствовала себя бедной, даже когда мы были бедными. Мне всегда хватало денег на обед, на то, чтобы съездить с классом на экскурсию. Меня всегда обеспечивали. Время от времени мы ездили смотреть бродвейские спектакли или отправлялись на машине куда-нибудь, где были деревья и озеро. Или пруд. Или хоть лужа побольше, когда было совсем туго. Мы жили не по средствам, просто не как «Настоящие домохозяйки Нью-Джерси». Больше было похоже на персонал ресторана Лизы Вандерпамп. (Да, я говорю сплошными метафорами из репертуара канала «Браво»; и спасибо, Господи, за Энди Коэна.) По счастью, все мои друзья одевались кое-как и никогда не интересовались дизайнерскими шмотками или другими материальными благами. Я никогда не носила ювелирные украшения (и никогда не могла с первой попытки правильно написать слово «ювелирный») или брендовые вещи. Друзья мои этим были озабочены чуть больше меня, но в глаза разница не бросалась. То есть мы покупали майки от Bebe, но позволить себе могли только те, на которых было написано Bebe. На них всегда была скидка – и понятно, почему.

Я ездила на поганой машине, но у меня хотя бы была машина. Твиззи была очень подержанным фургоном, пахло там как в хлеву, но разворачивалась она легче легкого. Мне нравилось есть в ней пончики, и я подвозила из школы столько народу, сколько влезало. Выкрикивала: «Подбор!» – катаясь по парковке (по моему, это отсылка к «Тупой и еще тупее»). Если Твиззи разгонялась больше тридцати миль в час, всем в машине начинало казаться, что у них в руках виброгантели. Но это все-таки была машина! Я не чувствовала себя ребенком из семьи с низким доходом. Помню, мне так нравилось мое платье на выпускной, что я его надела на два выпускных: когда ходила в предпоследнем классе, а потом – на свой собственный выпускной. Не помню, чтобы мне хотелось чего-то,

что я не могла себе позволить. Мне очень повезло.

Только в колледже я начала замечать, что мне приходится потрудиться несколько больше, чем среднему студенту, чтобы свести концы с концами. Я питалась на купоны в столовой, воровала еду в студенческом союзе и при необходимости разводила парней на напитки – это было непросто, потому что на первом курсе я была похожа на блондинистого Бабадука. Я нашла работу, вела в своем колледже групповые занятия гимнастикой, и эти занятия были моим основным источником законного дохода. (Я приторговывала травкой, а еще воровала по универмагам... упс. Тссс. Это не должно выйти за пределы книжки.) Ладно, я была худшим в истории торговцем наркотиками. У меня кончались пакетики, и мне приходилось использовать мусорные мешки для крошечных порций травы. Я давала к ней подарок – типа печеную картошку или что там было в квартире. И каждое лето, когда я приезжала домой из колледжа, мы с сестрой работали в единственном баре на Лонг-Бич, подавали пиво, вино и еду, которую пожарили за пять минут. Мы вкалывали по шестнадцать часов, возвращались домой, покрытые десятью слоями жирной пленки от фритюрницы, ноги наши распухали и выпирали из удобной обуви, а карманы фартуков были полны долларов. Мы раскладывали чаевые на кровати и пересчитывали – иногда выходило до пятисот долларов, и мы чувствовали себя султанами. А затем засыпали с улыбкой и просыпались утром в восемь, чтобы снова все повторить.

Когда я доучилась в колледже, я была Н, и И, и Щ, и А, и Я, нищая. Нищая, как Ванилла Айс до HGTV. Официанткой я зарабатывала достаточно, чтобы платить за жилье и питаться одними дешевыми пельменями на завтрак, обед и ужин. И перекус. И полдник. Я жила в квартире-студии размером со шкаф, которую снимала пополам с соседом, найденным на крейглисте. Как-то вечером компания комиков собиралась поесть суши, а я не могла, потому что в тот вечер потратила последние доллары на пять минут на сцене (вложение себя оправдало: я провалилась перед всеми семью недовольными комиками в зале). Суши в Нью-Йорке дороже кровавых алмазов, так что об этом даже речь не шла. Но одна из комиков, Лори С., по доброте душевной купила мне роллы калифорния. Я была так благодарна и так смущена, что ей пришлось мне их принести.

Но я вкалывала изо всех сил. И довольно скоро – вместо того чтобы покупать время на сцене, когда объявляли «открытый микрофон», и идти домой голодной, – я стала зарабатывать стендапом пару сотен долларов за уик-энд. А года четыре назад начала зарабатывать и по паре тысяч. Первый по-настоящему серьезный чек я получила за представление в колледже – 800 долларов за час. Я

гонялась по квартире и визжала от счастья.

Заработав первые действительно большие деньги туром «Последний выстоявший комик», я отвезла Ким в Европу. Вместо того чтобы делить койку в грязном молодежном хостеле, мы останавливались в настоящих гостиничных номерах, с собственными ванными и всем таким. Гостиницы не были шикарными, но мы себя чувствовали Рокфеллерами. Или, если вы из миллениалов, гендирами Рок-Э-Фелла Рекордс.

Но если сравнивать Старые Деньги (Рокфеллеров) и Новые Деньги (Рок-Э-Фелла), суть в том, что и у тех, и у других есть ДЕНЬГИ. Мне плевать, если чуваки со старыми деньгами презирают меня за то, что я – деньги новые. Я с радостью чокнусь с ними бокалами, сидя в самолете впереди. Какое потрясающее преимущество – летать первым классом! Я не принимаю это как должное. Все еще помню, как впервые зашла в частный самолет. Первый раз, когда делаешь что-то, связанное с деньгами, – всегда лучший. Я выступала в шоу, где хедлайнерами были Льюис Си-Кей, Сара Силвермен и Азиз Которому-не-нужна-фамилия. Шоу давали всего лишь в Коннектикуте, так что домой ехать было недалеко, но когда Льюис спросил, не подвезти ли меня, я ответила: «Ну а то!» Те, у кого есть деньги, чувствуют себя виноватыми из-за того, что деньги у них есть, перед теми, у кого денег нет, и не любят произносить вслух то, из-за чего их все возненавидят. Он не сказал: «Эми, хочешь со мной на оплаченном мной же частном самолете, чтобы пролететь всего двадцать минут, которые займет дорога домой?» Нет. Он сказал: «Тебя подвезти?» – как будто мы в старом кино, и я – девушка в беде, ждущая трамвая в дождливый вечер.

Ужасно, как прекрасно летать частным самолетом. Просто отвратительно. Советую отнестись к этой части, как к книжке «Выбери Себе Приключение Сам», и пролистать, а то вы меня возненавидите на всю жизнь. Когда летишь частным самолетом, тебя подвозят на машине прямо к трапу точно в то время, как улетает самолет. Хочешь взлететь в 9.00 вечера, тебя высаживают из машины в 8.55! Не стоишь в переполненном терминале (правильное слово: там все терминальное, как стадия болезни), никакого дикого флуоресцентного аэропортовского освещения, никаких очередей в туалет, никакого ожидания в очереди на контроль безопасности – с психами, которые выехали слишком поздно, чтобы успеть на рейс. Никаких бесконечных очередей, чтобы заплатить десять долларов за воду и жвачку, которая тебе даже не нравится, потому что твоей любимой не было. Просто выходишь из машины и заходишь в самолет, и минут через пятнадцать ты уже в воздухе. На другом конце тебя ждет машина,

ровно тогда, когда ты выходишь из самолета; тебе подадут сумку, и ты весело, весело, с песнями, нах, отправляешься по своим делам. Я летала на паре модных самолетов, как из клипов реперов, летала на старых и грязных. Но это неважно. Ты там один!!! Все это я говорю для того, чтобы рассказать, какой везучей себя чувствую, что смогла вообще зайти в частный самолет. Я ценю каждое мгновение полета. Как и полагается человеку с Новыми Деньгами.

Я живу в хороших гостиницах, пользуюсь убером вместо того, чтобы махать таксистам на улице... даже когда подсакивают цены. Могу, когда захочу, задорого поесть, и я себе это позволяю. Не буду вам вешать лапшу: здорово знать, что я смогу отправить племянницу в любую школу, какую она захочет – хотя она уже сейчас, в свои два года, гений, и все получит за одни оценки или выигрывает стипендию, когда станет играть в волейбол за первый дивизион. Очень успокаивает, когда знаешь, что можешь оплатить отцу клинику получше и у него точно будут лучшие в Америке специалисты по рассеянному склерозу. А еще я понимаю, как несправедливо, что не все так могут. Я – новые деньги, а не засранка. Вранье. Я пока не врала вам в этой книге и не хочу начинать сейчас. Я засранка.

Лучшее в том, что у тебя есть деньги – это возможность быть засранкой и спускать бабло на всякую ерунду. Если кто-то из моих друзей работает в клубе, я иногда плачу, чтобы им всю комнату устали дурацкими букетами, как на похоронах исполнителя хип-хопа, где всякие венки и все дела. Один из сценаристов нашей программы сказал мне, что его пригласили на крошечную роль в сериале «Вице-президент»; зря он это сделал. Я, естественно, заказала в его примерку дикое количество цветов, чтобы все остальные актеры шуганулись, а ему было неловко. Я могу себе позволить купить нам с сестрой по дороговатому ненастоящему комбинезону астронавта в магазине сувениров Музея естественной истории – чтобы мы в них проходили денек, просто подурочиться, а потом ни разу больше их не надели. Могу нанять частного шеф-повара приготовить ужин для моей семьи без всякого особого случая.

Я дружу со своим агентом. Он молодой, невероятно стеснительный парень – ну не любит, когда на него обращают внимание. К несчастью, мне кажется, что троллить его – очень весело. Так что я несколько раз нанимала клоуна, чтобы тот явился в его офис прямо посреди деловой встречи и наделал ему зверушек из воздушных шаров, а также спел. Я брала напрокат «феррари», просто покататься часок с друзьями. Брала яхту, просто потому что погода была солнечная. Я типа рэпера, только со мной проще. Я не покупаю «феррари» или

там яхту; я беру их напрокат, а покупаю все возможные страховки. Я не накачиваюсь «кристаллом», чтобы покататься. Покупаю недорогое игристое и выпиваю только полбокала, потому что у меня от игристого болит голова, а мне еще писать. Я вроде консервативного, разумного спортсмена-новичка. Или победителя лотереи, у которого есть финансовый консультант и нездоровое чувство юмора. Я – НООООООВЫЕ деньги.

Диковато, когда к тебе внезапно начинают относиться совсем по-другому, просто потому что тебя показали по телевизору или у тебя завелось бабло. Я не стала ничем особенным из-за того, что я вот прямо сейчас знаменита. Я не буду знаменитой всегда – да и вообще это не очень надолго, что по мне и хорошо: не очень-то приятно, когда к тебе лучше относятся из-за твоих денег. Мои самые любимые люди по-прежнему меня в грош не ставят и ведут себя со мной как с лонг-айлендским помойным ведром – которым я на самом деле и являюсь. Я хочу, чтобы люди ко мне относились так же, как я к ним. Одно дело, если я сама про себя скажу, что мне с деньгами зашибись. Любой, кто вышел из грязи в князи, а ему с деньгами не зашибись, – урод. Я стараюсь помнить, кто я. Я еще помню, как тридцать процентов чаевых меняли для меня к лучшему день, а то и всю неделю. Помню, как мне приходилось продавать одежду в секонд-хенд, чтобы заплатить за открытый микрофон. Помню, как едва не стала донором яйцеклетки, потому что не знала, что еще сделать, чтобы хоть немножко заработать (я еврейка, мои яйцеклетки стоят вдвое дороже!). Помню, как ходила к приемнику монет в банк TD после игровых автоматов, чтобы отвести своего парня пообедать в Фрайдис на его день рождения.

А теперь я могу отвезти подруг в отпуск и купить всем роллы калифорния! Я, безусловно, делюсь богатством – оставляя ли хорошие чаевые или помогая всяким достойным делам, друзьям и родным. Это должно войти у богатых в привычку. Мне много платят за то, что я делаю. Такова природа шоу-бизнеса. Если на вас можно продать билеты, если люди придут посмотреть на вас живьем, – вам переплачивают. Так что нет никаких причин не поддержать остальных. Когда я оставила барменам тысячу долларов чаевых на бродвейском мюзикле «Гамильтон», вышло стремно, потому что это превратилось в вирусную новость. Разве такое не часто случается на самом популярном мюзикле в городе, где живут толпы богатых? Если я зарабатываю бонус за выступление, то отдаю его тем, кто был на разогреве, тем, кто меня причесывал и гримировал. Я выписывала большинству своих потрясающих близких друзей чеки на шестизначные суммы, чтобы облегчить им жизнь. Отдала большую часть гонорара за четвертый сезон своей программы «Внутри Эми Шумер» команде, с которой работала на этом шоу от двух до четырех лет. Все заработанное на

съемках фильма «Благодарю за службу» – все до доллара – я передала семьям пациентов с ПТСР и благотворительным фондам для семей военных.

Раздавать деньги так прикольно! До сих пор помню первый раз, как будто вчера было, потому что всегда мечтала это сделать. Я заработала крупную сумму, выписала сестре чек на десять тысяч долларов и вручила ей его у себя в гостиной. Она на него посмотрела и сказала: «Да завали хлебало. Нет. Нет. Что, правда? Нет». Деньги ее порадовали, но в основном она была просто счастлива за меня, она понимала, как это здорово, когда можешь поделиться. Мы гуляли возле Челси Пирс, смотрели на чек и улыбались. Ели роллы с омарами и батончики, и нам казалось, что мы парим. Одно из лучших ощущений в моей жизни. Но мало того, что это прикольно, это еще и важно! Правда, мои менеджеры мне говорили, чтобы я придержала коней, и сестра несколько раз предупреждала, чтобы я не превращалась в Дерево Даров до такой степени, что от меня останется только пенек, на котором все вырежут свои имена. Но я гораздо счастливее, когда могу быть щедрой, потому что хоть и знаю, каково это, когда денег завались, но не забыла, каково бывает, когда они тебе по-настоящему нужны. Конечно, кому-то приходилось и намного хуже, чем мне, но я знаю, каково это, когда можешь положиться только на себя.

Через год после того, как родители все потеряли, мой день рождения очень сильно отличался от той деревенской сказки, которую мне устроили в богатые годы. На этот раз все было построено вокруг песни Лайонела Ричи «Танцы на потолке». Папа укрепил посреди ковра в гостиной люстру, и семеро детей, пришедших в гости, танцевали вокруг нее, пока играла песня – снова и снова. Папа снимал все это на камеру, перевернув ее вверх ногами, а потом мы смотрели запись и ели пиццу.

На самом деле, все прошло классно. Песня была – и есть – отличная, а детям было все равно. Нам не нужен был надувной замок или кто-то в костюме поняшки Яркой Радуги, чтобы повеселиться. Дайте нам пиццу да зеркальный шар – и пожалуйста: вечеринка состоялась. Я даже не понимала, что у нас нет денег; просто думала, что родители чуть ошибаются насчет степени моей любви к Лайонелу Ричи.

Сегодня я так же счастлива, как была, когда работала официанткой в закуской или получала пособие по безработице. Я не верю в то, что деньги меняют уровень счастья. Но многое становится проще, и когда я могу кому-то

помочь, это здорово. Я по-прежнему чаще всего сижу дома и заказываю китайскую еду и суши. По-прежнему напиваюсь или нажираюсь по ночам. Но теперь просто вино дороже – уже не «Карло Росси» в коробках, которые меня выручали битых полжизни. Я рада, что боролась. По-моему, я была бы полным отстоем, если бы деньги у меня были не «новые». И – для протокола. Когда племянница через тринадцать лет попросит у меня машину, я скажу: «Конечно». И подарю ей сверкающий фургончик, который будет разворачиваться легче легкого и трястись так, что мама не горюй, каждый раз, как разгонится больше тридцати миль в час, когда она рванет с друзьями за пивком.

Познакомьтесь с моими мягкими игрушками

По какой-то причине меня всегда тянуло к старым, похожим на кошмар, мягким игрушкам. Это началось еще в раннем детстве. Я никогда не любила новеньких хорошеньких плюшевых зверушек – таких, с радугами и сердечками, которые обычно предназначаются для маленьких девочек. Моих любимцев в жизни не увидишь всей толпой в витрине игрушечного магазина. Нет. Я люблю жутких, потрепанных созданий из прошлой жизни.

Хочу вас с ними познакомить – без особого порядка. (Я не хочу, чтобы они думали, что у меня есть любимчики. Хотя они, конечно, есть.) Когда-нибудь я планирую попросить в Twitter, чтобы все запостили фотографии своих детских мягких игрушек, которые по-прежнему хранят и любят. Для ясности: если вы все еще спите с этими игрушками и при этом вы – женщина за тридцать, то вы странная. Вот я совершенно НЕ делаю этого каждую ночь. Нет. И заткнитесь.

Мыша я обрела лет в десять на гаражной распродаже у подружки с Лонг-Айленда. Я помогала расставлять вещи на продажу и глаз с него не сводила все утро. От него просто шла правильная волна, и мы совпали. Про него спорили,мышь он или медведь, но я всегда чувствовала, что он явный Мыш. Еще один приводящий в замешательство факт о нем: он из войлока и велюра, но каким-то образом покрылся ржавчиной.

Кроля вошла в мою жизнь, когда мне было около семи. Единственная из моих игрушек, которая была совсем новенькой – и ее только что купили в магазине. Это такой плоский кролик-марионетка, они тогда были в моде. Несмотря на то

что она из всей компании самая попсовая с этим ее обаянием массового рынка, я Кролю люблю, без вопросов. Я зову ее девочкой, но только что поняла, что вообще-то никогда не приписывала своих мягких друзей к определенному полу.

Панду я получила в восемь. Она тоже была довольно новая, но такая мягкая, что ей от меня досталось сильнее, чем остальным. Я ее быстро поистрепала. И опять же, никогда не думала, девочка Панда или мальчик. Просто панда.

Пенни я увидела в антикварном магазине, когда мне было семь. У нас с ней самая могучая история о запретной любви. Я ее так полюбила, так сразу. Пока мама что-то покупала, я обнималась с этой маленькой фетровой пандой с твердой головой, набитой соломой, и томными выпученными глазами. Когда мама отказалась ее купить, сердце мое было разбито; она стоила сорок долларов. Но через пару недель мы воссоединились, когда мама неожиданно принесла ее домой. Увидев ее, я заорала: «Пенни!!» Мама так растрогалась, что я дала имя существу, которое мне еще не принадлежало. Как-то я потеряла Пенни на год, а в итоге обнаружилось, что она была у этой цыпочки Рейчел. Рейчел сказала, что думала, будто я подарила ей Пенни, а я объяснила, что у нее крыша поехала, потому что я никогда бы не рассталась со своей любимой малышкой Пенни. Второе воссоединение с Пенни было особенно сладким. По-моему, Пенни девочка, но ее суть не в этом. Она маленький воин.

Ну а наиболее ценным членом команды, конечно, будет дама – Поуки. Поуки была маминной, когда мама была маленькой, так что она у меня с рождения. При виде нее все мальчики, которых я приводила, неизбежно откладывали тонну кирпичей. Когда я была маленькая, меня не приглашали в гости с ночевкой, если я не обещала, что оставлю Поуки дома. Ее называли «невестой Чаки» и генератором ночных кошмаров. Но я в ней этого не вижу. Я ее люблю и все так же обнимаю себя за шею ее рукой, когда мне нужно утешение – как делала, когда была маленькой. А еще я не уверена, что Поуки – телочка, хотя точно знаю, что количества слез, которым я ее полила, хватило на то, чтобы она полиняла. Она – или он, или оно – прошла со мной все. Поуки набита такой же жесткой соломой, как голова Пенни. И, несмотря на то что я очень гибко воспринимаю ее гендер, я выбрала розовую ткань и кружево, чтобы ее переодели, когда относилась ее к кукольному врачу (это что-то). Я сама всю жизнь не очень обращаю внимание на гендерную принадлежность. У нас была – все еще есть – кошка по имени Пенелопа, она живет с мамой и сейчас уже двумя лапами в могиле. Я назвала ее Пенелопой до того, как мы узнали, что она вообще-то мальчик, но имя мы ей менять не стали, и до сих пор зовем ее «она».

За годы у меня перебивало и много других мягких игрушек. У меня есть двухголовый медведь, которого я никак не назвала. Мне его подарил бывший. Мягкий и стремный, как я бы описала саму себя. Я его храню. Он слишком идеален; так бы он сам себя описал. За годы бойфренды передарили мне кучу мягких игрушек. Я из тех, кто стирает все напоминания о бывшем, едва мы расстанемся. Я пытаюсь убрать их «Вечным сиянием...» из своей жизни. Стираю с телефона все фотографии, выкидываю все подарки. Оставляю отпечатанные фотки, но – в коробке в кладовке.

Тот же бывший, который подарил мне двухголового медведя, подарил и огромную – то есть на самом деле огромную – плюшевую гориллу на день Святого Валентина. Мы назвали его Карлос. И не ищите в этом расистский подтекст. Мне просто приглянулось имя Карлос. Мы все шутили, что он мне дарит огромные подарки, хотя квартирка у меня крошечная. Он покупал огромные вещи, которые не вписывались в квартиру, иногда делая это нарочно. Как-то подарил здоровенное растение, почти дерево, из-за которого моя квартира стала вроде тех мест, где любила бывать Джейн Гудолл. Мне пришлось вытащить его на задний двор, а в Нью-Йорке это просто жуткий переулочек, где резвятся крысы и жрут все, что ты там сложишь – в моем случае, доски для серфинга.

Последняя мягкая игрушка, которую мне подарил парень, это маленькая лошадка. Моя двухлетняя племянница увидела ее и стала звать «Игого» – это такой звук, который издает лошадь, если вы вдруг выросли в городе. Теперь она спит с Игого, а мне приходится ждать, пока она перерастет это увлечение, но пока у них все серьезно. Надеюсь, с парнями у нее будет не так. Или с девушками. Или, может, она не будет считать себя женщиной. Что бы она ни выбрала, нас все устроит. Или он. Черт, как трудно написать книгу, чтобы на тебя никто не наорал.

Я знаю, вы только начали читать, так что пока еще знакомитесь со мной и, возможно, сомневаетесь в моей преданности этим зверушкам. Думаете небось, что я пишу пафосную фигню об этих старых забавных существах. Но я на сто процентов искренна в своей к ним привязанности. Где закончится моя одержимость ими? Уж точно не в отвратительном нью-йоркском мусорном контейнере, откуда я как-то заставила своего парня их спасти, когда грузчики, работавшие у нас на переезде, совершили страшную ошибку и выбросили все игрушки. (Грузчиков можно понять: у Поуки и правда такой вид, что место ей в темном переулочке разоренной войной деревни, а не в симпатичной спальне

взрослой тетки.) Вам, наверное, хочется меня спросить: «Эми, ты заказывала партнеру Тильды Суинтон, Сандро, групповой портрет своих зверушек, чтобы запечатлеть их навеки?» Нет, это было бы слишком – то есть погодите, я хотела сказать: да, вашу мать, я это сделала.

Они этого стоят. Все они – потрепанные свалявшиеся куски ткани, сшитые кое-как, но я люблю их больше, чем большую часть своих родственников.

Папа

Когда мне было четырнадцать, папа обделался в парке аттракционов.

Произошло это прекрасным летним утром, когда он повел меня и Ким в «Страну приключений» – которая была ровно тем, чем кажется по названию: парком аттракционов, полным приключений, если только вы никогда не переживали настоящих приключений или не были в настоящем парке аттракционов. Я всю неделю представляла себе эту поездку, мечтала о пиратском корабле и качелях. Они, уж точно, были самыми безопасными в парке, но для меня то была самая дальняя граница зоны комфорта. Я любила аттракционы, от которых появлялось чувство невесомости, падавшее из живота до самой вагины, когда аттракцион шел вниз – но мне никогда не нравилось переворачиваться или вращаться, пока не стошнит, и сейчас все еще не нравится. Думаю, можно сказать, что у меня вообще до крайности низкая переносимость страха.

В детстве меня до смерти напугал фильм «Улика». Я спала, положив на спину подушку – потому что кухарку в том фильме убили, ударив в спину здоровенным кухонным ножом. «С этой девочкой ничего не случится; только попробуйте проткнуть ножом эту подушку», – думала я. Как будто убийца войдет ночью ко мне в комнату, собираясь ударить меня ножом в спину, увидит, что на спине подушка, и отменит свои планы. Примерно такую же тактику я использовала, после того как услышала (не посмотрела) про фильм «Мизери». Я спала накрыв ноги подушками – на случай, если у Кейти Бейтс среди ночи возникнет желание приехать на Лонг-Айленд, вломиться ко мне в дом и переломать мне ноги киянкой. Может, поэтому я всегда спала (и до сих пор сплю) со своими жутковатыми, как из фильма ужасов, мягкими игрушками. Для защиты.

Достаточно сказать, что я была трусихой. В четвертом классе я говорила со школьным психологом обо всем, что наводило на меня ужас. Сама напросилась, а не обеспокоенный учитель к нему отослал. Наверное, я – единственная в истории девятилетка, попросившаяся на прием к мозгоправу. После сессии он отдал маме список моих страхов. Среди них были землетрясения и ленточные черви. Последние, в общем, не часто встречались там, где я жила, но мой брат изучал их в школе и не смог устоять перед порывом убедить меня, что я – легкая добыча, которую со стопроцентной вероятностью сожрет изнутри червяк. Однако первым (и самым памятным) в списке шел страх, что я случайно собою себя в масло. Он родился под влиянием страшноватой старинной детской книжки «Черный малыш Самбо», истории из времен более простых и расистских, когда писали пугающие, оскорбительные сказки, чтобы дети лучше засыпали по ночам. Когда-то она была очень популярна, потом ее запретили – и правильно сделали – и изъяли из обращения. Но у мамы книжка сохранилась. Там про мальчика, который отправляется на поиски приключений, и в итоге за ним гонятся тигры, которые так быстро бегают вокруг дерева кругами, что нечаянно сбиваются в озеро масла, которое мальчик потом относит домой матери, чтобы она напекла оладушков... А вот так вот. В общем, меня всегда мучил страх, что я как-то превращусь в растопленное масло, и сейчас он не кажется таким уж пустым. Сейчас, правда, это больше похоже на то, как я хотела бы провести свои последние сутки на свете.

Короче, в то утро, когда папа собрался отвезти нас в «Страну приключений», я встала, надела джинсовые шорты, которые заканчивались точно над коленом (шли безумно), и длинную футболку с тасманским дьяволом, чтобы все понимали, что за дела. Футболку надо было завязать сбоку, потому что на дворе было начало девяностых, а тогда зажигали так.

Папа не часто нас куда-то возил, но родители недавно развелись, так что мы начали проводить время с ним наедине. Так мы могли отхватить немножко веселья, а он – немножко почувствовать себя отцом. Он забрал нас на своей красной машинке с откидным верхом около десяти утра (даже потеряв все, он все равно водил машину с открытым верхом). Я села впереди, потому что сзади слишком дуло, и убедила Ким, что ей так больше нравится. Ехать от дома было минут сорок, но от нетерпения казалось, что четыреста: с десятком аттракционов, сколько хочешь мармеладных червячков и игровые автоматы прямо в парке!

С папой я всегда чувствовала, что меня любят выше крыши. Он старался изо всех сил. Но когда я была маленькой, его личность приводила меня в

замешательство. Он – совсем не из тех семейных мужчин, игравших в гольф и пивших пиво, каких я видела по телику или на кухнях у друзей. Его трудно было отнести к какой-то категории – и нелегко было понять. В молодости папа жил богатым холостяком в Нью-Йорке 70-х – который тогда тоже переживал расцвет. Жил в пентхаусе со своим лучшим другом Джошем, в то время – знаменитым актером. Баловался наркотой, спал с девицами и наслаждался каждой минутой. Встретив маму, он простился с той жизнью. Как бы.

Когда я была маленькой, он держал себя в форме – всегда загорелый, всегда хорошо одет. Он вел международный бизнес, часто летал во Францию, Италию, Прагу, и я знала, что он вернулся из поездки домой до того, как видела его или слышала, потому что от него так мощно и роскошно пахло. Я думала, это смесь дорогого европейского одеколона, легкий запах сигарет и что-то еще, что я тогда не опознавала – а потом поняла, что это алкоголь.

Я никогда не замечала, чтобы отец сильно пил. Никогда при виде него даже не думала, что он хотя бы поддатый. Если не знать, как это выглядит, то ничего и не увидишь. Помню, как пришла из школы и нашла его вырубившимся, голышом на полу, но не сложила два и два. Помню, как он как-то попросил у меня прощения, что пропустил игру в волейбол, на которой на самом деле был, но я просто подумала: ой, папа, ничего не помнишь! Я понимала, что от него пахнет скотчем, но не принимала это в расчет. (До сих пор, когда мой парень напьется или у него серьезное похмелье и я его нежно прижимаю к себе, запах напоминает мне о папе. Когда я об этом говорю, парень смеется – думает, я шучу.)

Только потом я выяснила, что мой папа – самый настоящий алкоголик. Ему несколько раз пришлось ложиться на детокс, когда мы были маленькими. К его чести, он со своей зависимостью был осторожен. Пил только в поездках или когда мы спали, то есть... постоянно и каждую ночь. Единственное, что притормозило его пьянство – это рассеянный склероз.

Ему поставили диагноз, когда мне было лет десять, и вскоре положили в больницу, потому что болезнь ударила папу наотмашь. Все началось с покалывания в пальцах рук и ног, потом переросло в полную потерю чувствительности и боль в ногах. Когда он, наконец, вышел из больницы, все вроде вернулось в обычное состояние. Я не думала о его болезни, и никто о ней снова не заговаривал. Я любила папу, но, как любая поглощенная собой десятилетка, не беспокоилась о том, что он смертен. Да, я видела его на

больничной койке, страдавшего от болей, но все равно думала, что он несокрушим. В то утро, когда он нас забрал, чтобы ехать в «Страну приключений», я думала о пиратском корабле – и не могу сказать, что так уж тревожилась о папином здоровье.

Едва машина затормозила у ворот парка, мы побежали к высоко взлетающим качелям и встали в очередь. Было прохладно, из-за этого народу совсем мало – ура, подумала я, значит, мы сможем прокатиться два или три раза подряд, прежде чем пойти дальше. Я любила те качели, потому что могла притвориться, что ничего не боюсь, я закручивала и закручивала сиденье, пока они не взлетали в воздух, чтобы вращаться высоко в небе.

Я рвалась напрямик на пиратский корабль, но Ким хотела покататься на огромных страшных горках. Впереди у нас был весь день, поэтому я сказала «ладно», хотя не получала от горок никакого удовольствия. Ни броски туда-сюда, ни визг и возможность погибнуть меня не привлекали – и не привлекают до сих пор. Я ненавидела, когда вагончик чудовищно медленно вползал на горку, чтобы потом рухнуть вниз, и все вокруг начинали орать, жалея, что сели в него. Но Ким горки любила. А я любила Ким. И как старшая сестра я хотела, чтобы она считала меня храброй. Так что я сделала вид «подумаешь, дел-то» – и встала в очередь.

Но честно говоря, мне еще хотелось произвести впечатление и на отца. Он знал, что я жуткая трусиха, и я думала, что он заметит и скажет что-то вроде: «Ух ты, Эми... ты влезла на горку, как круто». Ему нравились всякие штуки типа прыжков с парашютом – и кстати, став постарше, я таки прыгнула в надежде его впечатлить, хотя каждая секунда этого мероприятия вызывала у меня отвращение... И вот мы встали в длинную очередь, которая, казалось мне, двигалась слишком быстро. Я слегка сгорбилась, надеясь, что не пройду ограничение по росту, но – нет, невезуха. Я все еще надеялась, что горку закроют на весь день, как раз, когда подойдет наша очередь, или что парк закроют из-за пропавшего ребенка. Там тысячи детей. Что, ни один не мог потеряться? Но увы, нет, подошла наша очередь.

– Хотите сесть в первый вагончик? – спросил парнишка, ведавший аттракционом; на вид ему было лет шесть.

– ДА! – завопила Ким.

Я посмотрела на папу, который – скорее всего, не без сарказма – показывал мне большой палец.

– Ага, – отозвалась я, хотя Ким уже запрыгнула на переднее сиденье.

– Пригляжу за вами, девчонки! – с упоением сказал паренек.

Мы помахали папе, когда поднимались на Гору Самоубийц, или как там называлась эта горка.

Я немного помню из дальнейших двух минут – но вагончик, наконец, остановился, и я открыла глаза. Единственный плюс был в том, что я не пострадала физически, а еще это был отличный повод поупражняться в отстранении от самой себя – мы с братом и сестрой к подростковому возрасту научились этому в совершенстве. Мы вылезли. Ким была в восторге. Она прекрасно провела время.

Я не могу говорить за других маньяков с того аттракциона, но для меня американские горки стали источником травмы. Когда я шла вниз по пандусу, мне казалось, что у его подножия должен стоять президент, чтобы вручить мне медаль за доблесть. Но медали не было; только папа, который нам улыбался.

– Очереди нет! – закричала Ким. – Давай еще разок!

И мы покатались, а потом еще и еще. Каждый раз папа подбадривал нас, крича снизу. Мы, наверное, проехали на этой штуке раз пять, когда, остановившись, увидели, что его нет.

– Где папа? – спросила Ким.

– Наверное, пошел за конфетами, или еще что, – предположила я.

Пока мы его ждали, мы прокатились еще раз, и еще, и еще. После двенадцатого раза я почувствовала, что уже совсем готова пойти на пиратский корабль – он был главным приключением, которого я ждала. Ким рвалась прокатиться еще, но мне нужно было остановиться. Я подумала, что хорошо бы передохнуть и когда-нибудь, может быть, завести детей, и еще я была уверена, что папа будет

нас ждать, когда закончит то, чем занят... кстати, а чем он занят?

В то время я еще не поняла, какой у меня смешной папа. Большая часть того, что он делал или говорил, просто пролетала мимо меня – да и мимо всех, если на то пошло. Его юмор был настолько странным, что проходили дни, прежде чем люди понимали, что он их оскорбил. Он выдавал идеальные короткие реплики вполголоса, когда говорил с официантами, или с банковскими служащими, или с мамой; никто, кроме меня, их не слышал. Как-то бабушка ему сказала: «Если я умру...» – и он ее с усмешкой поправил: «Когда». Он и с нами, детьми, позволял себе черный юмор. Помню, я как-то вошла в кухню, а он сделал вид, что я его застукала за попыткой сунуть нашего пса Пончика в микроволновку. Папа держался так, как будто ничто в жизни не сможет взъерошить ему перышки или удивить.

Так что в тот день, когда мы с Ким сидели на скамейке и ждали его, я увидела отца с новой стороны. Мы все ждали и ждали. Я заплела Ким дурацкие косички и заставила делать мне массаж руки, пока он, наконец, не объявился. Когда папа подошел к нам, первое, что бросилось мне в глаза – это его выражение лица: паника и подавленность одновременно. А второе – что на папе нет брюк.

Ким ничего этого не увидела, потому что сразу же спросила:

– Можно нам тянучку?

– Конечно, – ответил папа.

Мы с ним посмотрели друг на друга. У меня не было слов. Его футболка, мокрая снизу насквозь, была достаточно длинной, чтобы прикрыть трусы, но брюк и след простыл.

– Нам надо уезжать, Эм, – очень спокойно сказал он мне.

Я думала, не спросить ли что-нибудь разумное – типа: «Папа, где твои штаны?» Но он взглянул мне в глаза и дал понять, что вопросов задавать не надо. Я пошла в магазинчик в стиле кантри и купила Ким тянучку, а потом мы поспешили к машине. Я не смотрела по сторонам и не знаю, пялились ли на нас. Я смотрела только на десятилетнюю Ким, которая ни о чем не думала, кроме очередного кусочка своей вкусняшки. Она что, правда, не замечает, что папа без

штанов? Я понимаю, парк называется «Страна приключений» – но сомневаюсь, что эти приключения касаются мужчин на пятом десятке, одетых как Винни-Пух после конкурса мокрых футболок.

Мы подошли уже к самой машине, когда поднялся ветерок, и до меня донесло запах. Дерьма. Человеческого дерьма.

Тут-то я и поняла: ох, папа наделал в штаны. Так. Я быстро извлекла из ситуации возможность показаться любящей и щедрой сестрой.

– Теперь ты можешь сесть вперед, Кими!

Я быстро соображала.

– Правда?! – спросила Кими.

Она пришла в такой восторг, что ей уступили эту привилегию, что у меня немножко разбилось сердце. Тянушка из парка да еще и переднее сиденье? Она поверить не могла, что ей так повезло. Не знала сестренка, что ей недолго осталось наслаждаться своей тянушкой – и, возможно, у нее это больше никогда не получится.

Мы забрались в машину, я – сзади, а Ким впереди с отцом. Когда он опустил верх, я взглянула в боковое зеркало и увидела, как у Ким задергались ноздри. Она учуяла. Началась самая тихая в моей жизни поездка на машине. Тянушка лежала у Ким на коленях всю дорогу, а голова ее медленно отодвигалась все дальше и дальше от отца. Верх у машины был полностью опущен, но ей все равно пришлось свесить головушку сбоку. Когда папа затормозил у дома, чтобы нас высадить, Ким была похожа на золотистого ретривера.

На меня произвело огромное впечатление то, что она ничего не сказала. Какая хорошая девочка, подумала я. Она поцеловала папу в щеку и поблагодарила его, а потом побежала в дом, и лицо у нее было такого же цвета, как у лягушонка Кермита. Я выпрыгнула и, задержав дыхание, поцеловала отца. Пошла по дорожке к дому, и тут он меня окликнул.

– Эм!

Я обернулась и спросила:

- Да?

Он глубоко вдохнул и сказал:

- Пожалуйста, маме не говори.

Я кивнула.

Самое грустное, что я поняла в жизни, это то, что мои родители – люди. Грустные человеческие люди. В тот момент я повзрослела на десять лет.

Второй раз, когда папа обделался в моем присутствии, рядом не было американских горок, чтобы помешать мне это увидеть. Все произошло прямо передо мной. Ну, немножко сбоку.

Случилось это через четыре года – летом, когда я уехала в колледж, перед тем как я села в самолет до Монтаны, чтобы пару недель погостить у своего старшего брата Джейсона. Я боготворила Джейсона и всегда старалась с ним пообщаться. Он почти на четыре года меня старше и, как по мне, должен каждый год становиться человеком-загадкой, по версии журнала «Пипл». Подростком он был звездой баскетбола, но потом, в старших классах, вдруг бросил, потому что не хотел больше соответствовать чужим ожиданиям. Его интересовали всякие штуки, вроде времени и пространства, и он всерьез подумывал о том, чтобы провести несколько месяцев в пещере и вести ночной образ жизни. Никому ни слова не сказав, Джейсон стал классным музыкантом. Школу он не закончил: предпочел набрать баллы для аттестата, путешествуя по стране и написав об этом – он как-то убедил директора нашей школы и маму, что это отличная мысль. Понимаю, что все это звучит как та реклама «Дос Эквис», прославляющая бородатого старика с загонами, – но дело в том, что я с ума схожу от Джейсона с самого рождения и всегда хотела быть частью любой необыкновенной Вселенной, в которой он в тот момент жил. Так что я ехала к нему при первой возможности.

Как раз тогда отец все время рвался побыть папочкой, так что предложил отвезти меня в аэропорт. Когда у человека рассеянный склероз, «побыть папочкой» превращается в игру в бинго или в билет на аттракцион. После полудня он меня забрал и повез в аэропорт Кеннеди.

Когда мы туда добрались, я вытащила свой огромный чемодан из багажника его машины и сама двинулась ко входу в аэропорт. Наверное, со стороны было странно наблюдать за здоровенным мужиком, чья восемнадцатилетняя дочь поднимает и волочет свой огромный чемодан, – но никто же не знал, что он болен. Я не очень понимала симптомы его болезни, но знала, что она его замедляет, даже если с виду все в порядке, ему может быть очень больно, и он не способен на простые физические действия, которые раньше давались ему без труда.

Папа был рядом, пока я таскала сумки и регистрировалась на рейс, – и казалось, что все хорошо. Это было еще до 11 сентября, так что он мог проводить меня до выхода на посадку, что и собирался сделать. Он все говорил: «Я тебя провожу до выхода». Думаю, для папы это было важно, потому что он для меня никогда ничего такого не делал. Это, скорее, была мамина работа. Но я была рада, что он со мной: хоть список моих страхов к тому времени существенно сократился, летать я все равно жутко боялась.

Мы оба прошли безопаску, не разуваясь, – старые добрые времена, – и направились по длинному залу к моему выходу. Терминал тогда ремонтировали, поэтому приходилось выбирать дорогу. Нам еще прилично оставалось пройти, когда папа резко принял влево и рванул к краю зала. Я остановилась и обернулась посмотреть, что он делает. Он мученически на меня взглянул, затем стянул штаны – и секунд тридцать из него лилось дерьмо. Тридцать секунд – это вечность, кстати, когда смотришь, как твой папа извергается с тыла, как вулкан. Только подумайте. Произнести «Миссисипи» – это одна. Всего одна секунда.

Все быстро шли мимо в ужасе. Какая-то женщина закрыла своему ребенку глаза рукой. Люди пялились. На одну телку, проходившую мимо, я рявкнула: «ЧТО?! Иди, куда шла!»

Закончив, отец встал и спросил: «Эм, у тебя какие-нибудь шорты в сумке есть?»

Я открыла чемодан и вытащила пару шортов для лакросса. Отдала ему, думая: пап, это же мои любимые были. Он бросил брюки в мусорку и натянул шорты. Я подошла, чтобы обнять его на прощание сверху. Я не плакала, не смеялась – просто улыбнулась и сказала:

– Пап, я тебя люблю. Маме не скажу.

Я пошла прочь от всего этого, и тут вслед мне донеслось:

– Я сказал, что провожу тебя до выхода!

Я обернулась, посмотреть, не шутит ли он; нет, он не шутил. И мы пошли до самого выхода. Я дышала ртом и злобно смотрела на всех, кто посмел на него пялиться. Когда мы дошли до последнего выхода этого чертова терминала, в конце очень длинного зала, папа меня поцеловал на прощание и ушел.

Обычно, когда я сажусь в самолет, я тут же начинаю беспокоиться, насколько страшно будет взлетать, и стараюсь придумать, как себя отвлечь, чтобы не нервничать. Но в тот день я сидела в самолете и ни о чем не думала. Голова у меня была пустая. Слишком больно было. Я не думала о своем бесстрашном отце, который боролся с загадочной болезнью. Раньше он носился по аэропортам в облаке дорогого одеколона и пускал зайчики роскошными часами, а теперь превратился в этого безымянного беспомощного мужика, потерявшего посреди аэропорта власть над внутренностями на глазах у своей дочери-подростка. Он даже не вздрогнул и не дал мне понять, что его это парит. То есть как раз он был мокрым от пота: рассеянный склероз его себе подчинил физически, – но внутри он остался таким же непробиваемым, как всегда. Но я ни о чем таком не думала. Я просто смотрела в окно пять часов, ничего не чувствуя, пока не вышла из самолета в Монтане и не обняла брата – на дольше, чем ему бы хотелось.

Я пыталась говорить о двух этих дерьмовых историях со сцены. В них столько выбивающего из колеи, что я начинаю смеяться – иначе это не вынесешь. Ким, свесившая голову из машины; я, стоящая рядом с отцом, на котором нет штанов, возле вагончика, развозящего народ по парку аттракционов. Я смотрю на самые печальные моменты своей жизни и смеюсь над тем, как они ужасны, потому что они уморительны; рассмеяться – это единственный способ пережить болезненное. Мой папа такой же. Он всегда смеялся над тем, что другим казалось слишком мрачным для смеха. Даже сейчас, когда его память и

умственная деятельность очень подорваны рассеянным склерозом, я говорю ему, что у него мозги похожи на яичницу-болтунью, – и он истерически ржет и соглашается: «Чистая правда!»

По папе в жизни не скажешь, что он себя жалеет. Он и не жалел никогда. Он не боится прямо смотреть на самое страшное. Надеюсь, я от него это унаследовала. Лишь однажды я видела, как он плакал из-за своей болезни, и это было совсем недавно – когда он узнал, что его будут лечить стволовыми клетками и что это поможет ему почувствовать себя намного лучше, возможно, он даже снова будет ходить. В тот день он плакал, как маленький. А до того – ни разу.

У меня чудесные детские воспоминания о том, как мы с ним ходили на пляж. Мы не вылезали с пляжа, и вообще он был натуральным солнцепоклонником. Даже в январе, если светило солнце, папа обмазывался детским маслом и садился во дворе в шезлонг. У него круглый год был загар. А летом мы рано утром залезали в океан и выходили уже после заката. Мы вместе катались на волнах; это была наша фишка. Больше всего я хотела удержаться на волне дольше его, но у меня никогда не получалось. Я даже жульничала, опускала ноги и немножко пробегала по дну, чтобы сравняться, – но нет, он всегда побеждал.

Самая большая радость, какую я помню из детства, – это когда надвигался шторм и поднимались большие волны. Все пугались и не шли в воду, но только не мы. Даже когда океан злился и тащил нас вбок. Нам приходилось выходить на берег и проходить половину футбольного поля, прежде чем нас снова смывало волной. Мы плыли против течения и ловили лучшие волны за день. Ничто не могло заставить нас выйти: ни дождь, ни мама, оравшая с берега, – ничто. Я по-прежнему представляю себе папу молодым, здоровым и сильным, с бронзовой кожей и мокрыми черными волосами. По какой-то причине мне не было страшно. Может быть, потому что я была с папой. Рядом с ним меня было не одолеть.

Отрывок из моего дневника 1994 года (мне тринадцать) с примечаниями от 2016 года

Я решила завести дневник, потому что есть вещи, которые вслух не скажешь?[1 - Под этим советом я явно больше не подпишусь, я-то, в подробностях рассказывавшая со сцены о неожиданной встрече с необрезанным пенисом.]

Мне тринадцать, и у меня есть проблемы. Мой брат Джейсон учится в выпускном классе. Он мне брат только наполовину, то есть у нас мама общая, а папа его умер, когда Джейсону было 11. Когда ему было два, наша мама вышла за моего папу. Мой папа вообще-то моего брата не любил, он не хотел, чтобы Джейсон был частью нашей семьи?[2 - Блин, правда, что ли? В этой записи видно, как здорово мамочка промыла мне мозги. Не думаю, что отец был особо привязан к брату, но тут не было ничего личного. Он просто любил только тех детей, которые когда-то выстрелились из его собственного члена.]. Я не обращала внимания, но папа ни разу не ездил с нами в «семейных поездках»?[3 - Не знаю, почему «семейные поездки» тут в кавычках. Это были просто семейные поездки; а выглядит так, словно мама нас как наркокурьеров использовала. Мы ездили во Флориду, на озеро Джордж, или в деревенский дом. Я в жизни не держала в руках воздушный шарик с героином.]. Мама только недавно мне об этом сказала. Сказала, что пыталась устроить так, чтобы все остались довольны, и отец ехал в одной машине, а мы с братом и сестрой в другой, вместе с ней?[4 - Знаете же старую поговорку... семья, которая едет в разных машинах, скоро развалится.].

Отец Джейсона очень много для него значил. Мама мне об этом сообщила, когда тот умер, а отец и не попробовал стать Джейсону отчимом?[5 - Так и было, но говорить об этом с подростком – не лучший шаг со стороны родителя.]. Они казались просто знакомыми. Мама в результате оказалась по сути матерью-одиночкой, отец ей не помогал. Я так рада, что она мне об этом сказала, потому что я же не знала. Она позволила Джейсону отдалиться от нашей семьи?[6 - Как я уже упоминала, Джейсон отболтался от выпускного класса, ему пришлось уйти из дома и много ездить по стране.], которая теперь уже и не семья никакая.

Моей сестре Ким девять, она в четвертом классе. Она для своих лет очень взрослая. Думаю, она такая взрослая, потому что я ей не позволяю вести себя по ее возрасту. В ее классе есть несколько девочек, настоящие *&?[7 - Если бы я писала это сейчас, сказала бы «сучки»]. Обращаются с ней как с грязью. Ким очень чувствительная, и от этого еще хуже. Эти девочки вытворяют с ней разные гадости, вот как-то раз сидели в столовой, обедали, а когда Ким к ним села, все встали и ушли. Когда мама мне рассказала, у меня слезы полились, она еще даже не договорила. У меня от жалости к Ким сердце разорвалось. В общем, я вскочила на велик, поехала к этим \$\$\$#[8 - СУЧКАМ!] домой и наорала на них. И сказала, чтобы отстали от моей сестры, а то ХУЖЕ БУДЕТ!?[9 - Мы недавно погуглили девочку, которая хуже всех обращалась с моей сестрой. Нашли ее на Facebook. Она теперь инструктор по пилатесу, а то как же, и если бы у меня был ее нынешний адрес, я бы опять поехала к ней на велике и сказала, что для меня она так и осталась никудышной злобной девочкой.]

Ким иногда ведет себя как полная дура?[10 - Ого, а я вот только что написала, какая она крутая.]. Она такая невинная и хрупкая?[11 - Невинная и хрупкая? Алё, ей было девять... Чего я от нее ждала? Что она будет шлюховатая и суровая?], и я на нее иногда так злюсь, что обращаюсь с ней как с дерьмом. Мама велит ей просто говорить, что она чувствует, если кто-нибудь в школе ее заденет. Я говорю: «Забудь. Надо быть крутой и не показывать, что тебя задели»?[12 - Я по-прежнему так считаю. Пусть сучки не видят, как тебя колбасит - это и отличный совет, и неплохое название для альбома хип-хопа 80-х.].

Месяца два назад я узнала, что родители разводятся?[13 - Чтоооооооо? Но мама старалась, чтобы все были довольны, рассаживая нас по разным машинам.]. Отец вечно в разъездах, так что я не особо впала в тоску. А сестра наоборот. Через пять лет брака мама поняла, что не любит отца и никогда не любила?[14 - И опять, черт: мам, вывалить такое ребенку, который еще в школе учится... ладно, проехали.]. Но она прожила с ним еще пять лет, из-за меня, Джея и Ким, а еще из-за того, что у него нашли эту болезнь, кончается на -оз?[15 - Рассеянный склероз. Тогда нельзя было посмотреть такое в телефоне, поэтому я просто оставила -оз. Ну, понятно.]. Все, кто знает маму, скажут, что она самый хороший человек в мире?[16 - «Промываааааем, промываем мозги» (поется на «Автомойку»).]. Но они разводятся.

В четверг я иду к психологу. Не хочу, но знаю, что надо?[17 - Я по-прежнему говорю себе это каждую неделю.].

У меня есть еще одна проблема: подруги. Лорин, Беки и Кейт. Мы в своей параллели типа спортсменки, красотки и умницы?[18 - Похоже, я не боялась быть собой.]. Беки немножко тормозная; у нее круглое лицо с легкими веснушками и прямые, как струя воды, грязные светлые волосы до плеч. Она с меня ростом, но чуть похудее. Она думает, что просто шикарная, и хочет быть Лорин. Еще она сноб?[19 - Никогда не рано говорить гадости про друзей.]. Еще есть Джен; она здорово играет в футбол и очень этим увлечена, но она такая растяпа, вечно до нее все до последней доходит. Она где-то метр шестьдесят, у нее мышинные русые волосы, и выглядит она очень по-ирландски. Как и все, по-моему?[20 - Сейчас Джен медсестра, у нее трое детей, и мы по-прежнему дружим.].

Поверить не могу, что не упомянула еще одного своего лучшего друга, Марка. У него волосы до подбородка, он всегда после душа, всегда чистый. Хорошо

играет в футбол, а еще он классный барабанщик. Мы с ним познакомились в пятом классе. Он этим летом основал группу, и я хотела стать у них вокалисткой. Пока мы с Марком были в группе вдвоем, все было нормально, но когда все стало всерьез, я ушла. Я очень хочу быть похожей на Марка?[21 - Я была в него влюблена.]. По-моему, я слишком парюсь из-за того, что обо мне думают. Марк совсем не такой. Если бы я с ним не дружила, я бы и наполовину так счастлива не была. Если подумать, он, наверное, мой единственный настоящий друг?[22 - Сейчас Марк барабанщик в группе «Taking Back Sunday».]

Теперь про мальчиков?[23 - Марк, прости!]. Мне нравятся несколько мальчиков, но двое, на которых я больше всего обращаю внимание, это Кевин Уильямс и Джошуа Уолш. Кевин застенчивый, смешной и клевый. У него растрепанные каштановые волосы, и он выше метра восьмидесяти. Глаза у него роскошные, голубые, кошачьи и рот как у Джокера. Я ему как-то сказала об этом на биологии, и он усмехнулся и ответил, что знает. Джошуа на год моложе меня, но такой милый и славный. У него черные волосы, он ниже ростом, но сильный, и кожа у него фарфоровая, в веснушках. Вид у него такой, как будто он только что сошел с корабля из Ирландии?[24 - Я прям с ума сходила по ирландцам. Скорее всего, я или только что делала про них доклад, или посмотрела в гостях с ночевкой «Далекую страну».]

У обоих мальчиков, как я заметила, есть небольшие дефекты речи. У Джошуа дефект, из-за которого он говорит как Кеннеди. Настоящие!?[25 - В отличие от поддельных, халтурных, фальшивых Кеннеди?] А у Кевина щелка между передними зубами, и он чуть шепелявит. Ыыы, это так мило?[26 - Меня всегда заводили годные недостатки типа третьей ноги или заикания.]

Я дошла до первой базы – в смысле, до французских поцелуев, но думаю, готова и ко второй?[27 - Нет, не была.]

Женщина, официально

Одни говорят, что женщиной становишься, когда у тебя начинаются месячные, другие – когда теряешь девственность. Евреи же тебя признают женщиной, когда проходишь бат-мицву. Разумеется, в своей церемонии я видела шанс. Не особо-то мне было интересно петь фрагмент из Торы, нет, я мечтала

блистательно дебютировать на сцене синагоги. В мюзиклах я играла с пяти лет и была готова сорвать овации. «Я покажу этим евреям, из чего сделана», – думала я, не в расистском смысле, конечно. И вот настал тот день. Все смотрели на меня – это как раз то, что мне нравится с детства, – а я с предвкушением глядела в толпу с бимы. Мама плакала от радости, сморкаясь в жилетку отца, который так и лопался от гордости. Я бы не удивилась, если бы родители зааплодировали стоя еще до того, как я закончу. Все шло, как надо.

Я пропела свои слова на иврите, как полагается полуеврейскому ангелочку – не имея ни малейшего понятия, о чем они. То есть это мог быть даже и призыв поддержать апартеид. В еврейской школе нас учили двум вещам: читать на иврите и читать на иврите. За год до бат-мицвы у нас был учитель, мистер Фишером, надо заметить, пугающий человек с застывшим выражением лица, ручаюсь, он и при землетрясении выглядел бы так же, как и во время сна. Ничто не могло вывести его из равновесия. Я сидела на первой парте, и мистер Фишер вызвал меня читать вслух Тору. Минуты через три я остановилась и спросила: «А что это значит?» Тут он впервые проявил чувства. Треснул рукой, похожей на бейсбольную перчатку, по столу прямо возле моей головы и заорал: «К директору!» Больше я вопросов не задавала.

Тот раз был не первым, когда я вляпалась в неприятности из-за вопросов, и не последним. В школе нас призывали задавать вопросы, но иногда, после этих самых вопросов, обвиняли в грубости или провокации. Теперь, когда я окончила школу и в конце коридора угрожающе не маячит кабинет директора, я могу задавать любые вопросы – любые, на фиг, какие пожелаю. Это приятно. И это еще и очень по-женски.

Но в тот важный для меня день смысл слов не имел для меня значения. Мне было плевать, что именно я пою; я просто хотела, чтобы у всех башню сорвало. Я выдала последние строчки своего фрагмента – ну что, исполнители «Скрипача на крыше», вам грозит увольнение – и на финальной ноте изо всех сил прибавила звука. И тут моя мечта превратилась в кошмар. У меня сорвался голос. Последняя нота вышла, как у Уильяма Ханга. Сердце заколотилось, и я почувствовала, как лицо превращается в свеклу, как с ним часто бывает, особенно, когда я позорюсь. В зале повисла тишина, я поняла, что сейчас заплачу.

Раздался первый смешок. Другой. И зал взорвался. Они все хохотали – и смотрели на меня с обожанием. Я увидела, как нервно хихикает Ким, ожидая

мою реакцию. Я поняла, что несмотря на то, что все пошло не так, я всех порадовала, и я хотела, чтобы Ким поняла, что смеяться можно, поэтому засмеялась сама. Засмеялась от души. Я смеялась над собой. Мы все хохотали вместе – по-настоящему, долго.

Я почти уверена, что именно поэтому в тот день я официально стала женщиной. Не из-за глупого древнего обряда, когда детям дарят чеки, которые нельзя обналичить до двадцати пяти (серьезно? они все равно теряются). Нет, я стала женщиной, потому что превратила торжественный тихий зал в зал, полный нежданного смеха. Я стала женщиной, потому что впервые сделала то, что мне предстояло делать всю жизнь. Может, в тот момент я и не думала о важности этого события, но, когда оглядываюсь сейчас, убеждаюсь в этом.

Таких «первых разов» в жизни полно, они вспыхивают, как маленькие огоньки, и ты, сама того не зная, становишься женщиной. И речь не о всякой банальщине, вроде первого поцелуя или первой поездки за рулем. Женщиной становишься, когда впервые отваживаешься за себя постоять, если на обеде перепутали твой заказ, или когда признаешься себе, что родители у тебя дерьмовые. Женщиной становишься, когда тебе в первый раз профессионально подбирают бюстгальтер и ты понимаешь, что всю, мать ее, жизнь носила не тот размер. Когда в первый раз пукаешь при своем парне. Когда тебе в первый раз разбивают сердце. Когда впервые разбиваешь кому-то сердце ты. Когда впервые сталкиваешься с тем, что умирает тот, кого ты любишь. Когда в первый раз врешь и выставляешь себя в дурном свете, чтобы лучший друг выглядел хорошо.

Для становления женщиной менее драматичные события тоже важны, например, когда парень в первый раз пытается сунуть тебе палец в задницу. Когда в первый раз сообщаем, как оно на самом деле: ты не хочешь, чтобы тебе совали в задницу пальцы. И чтобы вообще что-то туда совали. И затейливого рискованного секса, если на то пошло, тоже не хочешь. Просто хочешь, чтобы тебя иногда трахали в миссионерской позе, без всякого такого. Потом вспоминаешь эти моменты и понимаешь, что именно они тебя сделали той женщиной, которой ты стала. Все говорят, что это случается, когда приходят месячные, но на самом деле это случается, когда вставляешь первый тампон и учишь лучшую подружку, как это делается.

Кстати о менструальной крови, вернемся к тому, как становятся женщиной в синагоге. После того как я обрушила зал, облажавшись с фрагментом из Торы, пришло время раввину подойти и заговорить со мной при всех – та же

проповедь, но пошिताя на меня лично. Мне говорили, что большинству такое внимание противно, но я подумала: «Пффф. Давайте. Начинайте говорить комплименты».

Рабби Шломо был высоким, ему пришлось наклониться, чтобы положить мне руки на плечи. Я подняла на него глаза и приготовилась изображать кротость. Он начал: «Эми...» – и это было последнее, что я слышала. Из рта у него так несло, что я правда не могла расслышать ни единого слова. У меня все силы ушли на то, чтобы не отрубиться от вони, которой он на меня дышал. Я быстренько поняла, что надо хватать воздух, когда он вдыхает. Он склонялся ко мне с прочувствованными словами мудрости, а я упражнялась в дыхательной гимнастике. «Что он ел на завтрак? – думала я. – Подгузник для взрослых? Труп?»

Его речь длилась вечность. Ну или, по крайней мере, никак не меньше пяти минут, но, когда сходишь с ума из-за чьей-то вонючей пасти, время останавливается. У меня как раз закружилась голова от нехватки кислорода, когда я поняла по языку его тела, что он закругляется. Все заплодировали. Я отвернулась, втянула полные легкие свежего воздуха и улыбнулась в никуда. Так бывает, когда официально становишься женщиной.

Теперь можно было перекусить копченой рыбой и бейгелами, а потом отправиться с ближайшими подругами в «Эпоху средневековья» в Нью-Джерси. Все по замыслу Господа и Голды Меир.

Лагерь «Якорь»

Когда мне было четырнадцать, я записалась волонтером в лагерь для людей с особыми потребностями. Лагерь «Якорь» существует до сих пор; это потрясающая программа, они принимают больше семисот человек в год. Туда записываются волонтерами, чтобы помочь тем, кто нуждается, – это полезно для души и добавляет жизни смысл. Я это сделала, потому что волонтерами в «Якорь» записывались мальчики – а мне хотелось, чтобы у меня во рту побывал язык футболиста.

Хотела бы я сказать, что поехала в «Якорь» из желания помогать людям. Но давайте реально посмотреть на вещи: я была подростком, которому на всех, кроме себя самого, было наплевать. Подростковый возраст для большинства – время неуклюжести и неуверенности. Но в моем случае в нем было еще и навалом самообмана. Мало того, что я хотела нравиться мальчикам – я еще хотела воплощать все возможные сочетания: быть сразу красивой и доброй, умной и бескорыстной. Моя мама была учителем у глухих – так что, сколько себя помню, я была среди детей с особыми потребностями. Я думала, будет легко – ведь я уже умела разговаривать с такими детьми, как взрослая. Думала, проявлю к ним любовь, уважение и самоотдачу. Представляла себе, как буду учить маленькую девочку плавать, и уже похлопывала себя по спине за то, какая я молодец – Святая Эми. Люди станут выстраиваться вдоль квартала, только чтобы я им улыбнулась и иногда приобняла, как будто я уличный буддийский монах и всех их ждет вечное благословение. Но в основном я приходила в восторг от мысли поехать на автобусе и попробовать втиснуться рядом с симпатичными парнями.

В лагерь «Якорь» записалось волонтерами много клевых пацанов из старших классов нашей школы. Но я положила глаз на Тайлера Чини. Задумчивые карие глаза, взлохмаченные кудрявые волосы... Тайлер круто играл в футбол, а еще любил Fish и Grateful Dead. (Ого, был ли предел разнообразию интересов этого парня?) Мне нравилось смешить Тайлера, и это было несложно, потому что он был абсолютный укурок, и привлекательным его делал вовсе не двузначный IQ. Большую часть жизни меня тянуло к горячим парням с интеллектом хэллоуинской тыквы и брюшком. Мне всегда нравились животики. Тайлер был ровно такой. Все, что нужно было сделать, чтобы его рассмешить, – это процитировать фильм «Увалень Томми». Я знала это кино наизусть, так что Тайлер считал меня практически Джорджем Карлином. Сейчас он, кажется, в финансах, занимается хеджированием или что-то в этом роде, в чем я не разбираюсь. (Как получается, что глупые люди все-таки могут зарабатывать такие деньги, а? Я не знаю, что такое хеджирование. Я бы ежированием занялась. Ежики, по-моему, милые, я бы себе завела. Хотя, наверное, я его загублю ненароком. У меня и растения-то не выживают. Ладно, не о том.)

Тайлер сидел передо мной на уроках испанского, и я тарасилась в его кудрявый затылок, пытаюсь сделать так, чтобы он захотел обернуться и признаться мне в любви. Ничего такого даже близко не случилось. Но когда я услышала, что он записался волонтером в лагерь «Якорь»... знаешь что, Тайлер Чини? Я тоже запишусь. Я готова была подбирать дерьмо за детишками, чтобы быть к нему поближе.

В первый день мы ждали автобуса на стоянке около детсада. Помню, как накануне вечером я разложила на кровати одежду для работы в «Якоре». «Дайте только Тайлеру меня в этом увидеть», – подумала я. Голубая, как Twitter, футболка. Фланелевые шорты в сине-зеленую клетку с надписью «Штат Пенн» (и даже не на попе; до того, как гении маркетинга решили наложить лапы на место, куда сразу устремляются глаза всех парней и самых любопытных женщин, оставалось несколько лет). Я натянула шорты, посмотрела на себя в зеркало через плечо и с глубокой печалью понадеялась, что именно в этом я буду, когда Тайлер поймет, что я для него достаточно хороша. Я знала, что путь мне предстоит долгий. Путь простой девчонки с жирной кожей, которая считала, что для соблазна надо шептать парню на ухо шутки из любимого потного комика Америки, весящего больше центнера. Но, возможно, лагерь был тем местом, где он увидит меня в новом свете. Если бы я просто могла быть чуть больше в его вкусе, подумала я. Я завязала волосы в пучок, как у балерины, и уложила челку феном – но через десять секунд все это встало дыбом в летнем влажном воздухе, и я стала вылитым Сэмми Хагаром.

В автобусе я села через ряд от Тайлера и принялась потеть в своем тщательно подобранном наряде, прилипая к зеленым сиденьям из кожзама – сиденьям, которые порвало и разрисовало хулиганье, заброшенное даже предками. Я слушала Roxette на своем плеере и пыталась выглядеть отстраненной и интересной, как Бренда из «Бeverли-Хиллз, 90210», под которую я косила большую часть жизни. Она была королевой невероятных сочетаний. Казалось, она родилась невинной (я), но так и сочилась сексуальной притягательностью (я, как есть), и у нее бы запросто получилось что-то невинное – вроде пения хором, – при условии, что в финале Брендон отымел бы ее сзади под трибунами. Милая, с темными и грязноватыми сторонами – совсем как я в четырнадцать. Только ничего подобного: меня и пальцем никто не трогал, и страшная я тогда была невысказано. Но я так хотела, чтобы тужелька мне подошла, так хотела быть невозможной девушкой, как Бренда. Как бы то ни было, когда автобус подъехал к лагерю, я отвлеклась от мечтаний о том, что я – центр всеобщего внимания в Пич-Пит, отклеила ноги от сиденья и вышла из автобуса. Мы все вместе пошли на регистрацию, и я излучала энергетический посыл примерно такого свойства: «Мы будем крутыми, нам будет весело все лето, да, ребят? Я одна из вас, но у вас ко мне чувства. И ты себя мне подаришь где-то к 4 Июля, ДА, ТАЙЛЕР?»

Когда я подошла к столу регистрации, где нам предстояло выяснить, к какой группе нас приписали, у меня было только два желания: 1) чтобы мы с Тайлером оказались в одной группе и 2) чтобы мне достались миленькие детишки –

девочки от пяти до восьми, группа «Младшая, 3». Группы были поделены по полу и возрасту, и я увидела «Младшую, 3» в брошюре, когда обдумывала волонтерство. Я хотела стать им крутой старшей сестрой, которая навсегда оставит след в их жизни. Они были прелесть; я представляла, как мы пойдем на ежегодный конкурс талантов, как будем смеяться и обниматься. Я их всех прокачу на закорках, и Тайлер скажет: «Ух, наверное, спина болит... хочешь массаж?» А я скажу: «Да, может, позже. Сначала мне нужно всех покатать». Как герой. А потом я сделаю ему массаж, поскользнусь, упаду на его пенис, забеременею и попаду в первый сезон «Мамы-подростка».

– «Старшая-десять»! – объявила немолодая женщина, которую я принимала за мужчину, пока она на меня не гаркнула.

– Простите? – рявкнула я в ответ.

– Будешь работать со «Старшей, 10» – женщины от тридцати пяти и старше. Это твоя группа, – сказала она, указывая на стайку женщин, которые походили скорее на главных героинь «Золотых девочек», чем на маленьких.

Я опешила. Затем возразила:

– Не знала, что в лагерь берут тех, кто старше меня.

Женщина, похожая на моего дедушку, когда он слегка зарастал, молча посмотрела на меня с пустым лицом.

– Какая веселая неожиданность, – сказала я.

Я была ненадежной, и она это чуяла. Я приехала в «Якорь» ради флирта с парнями и для пункта к сопроводительному письму в колледж, и она это знала. Она взглянула прямо сквозь свою челку эко-человечка в мое мелкое сердце и нахмурилась. Протянула мне бумаги и отправила работать.

Я медленно подошла к другой волонтерке, красивой латинской девочке из соседнего городка. «Привет, я Карли!» – сказала она, лучась добром. «Вот она-то здесь ради правильных вещей», – подумала я. Она была красивой девушкой с чистой душой, а я – несчастьем с мордой мопса. Карли была Брендой, только

лучше. Даже еще роскошнее – секси, но не шлюховатой, да еще и добродетельной ко всему. Такое совершенство меня тогда еще не бесило. Мне просто захотелось быть такой, как она. И был еще Дейв Мак – потрясающий парень, в которого я немедленно влюбилась бы глубочайшей любовью, как в школе Беверли-Хиллз, если бы не видела, что он уже положил глаз на Карли. Черт, может, если бы я первая сюда добралась, я бы и его получила, соврала я себе. Но он был умный, он видел, что Карли – ангел во плоти с идеальной оливковой кожей и хорошенькой попкой.

Глава нашей группы, Джоан, была славной женщиной с кудрявыми светлыми волосами, выразительным итальянским носом, поясной сумкой и отличными буферами. Ей, единственной из нас, платили – но, думаю, не так много. Она была доброй, сильной теткой, которая с этими женщинами уже повозилась. Дурака не валяла, но по-прежнему могла с нами посмеяться, когда случались всякие глупости. А случались они часто.

Я каждый день загружала мозг, желая понравиться Тайлеру – или стать такой же безупречной, как Карли. Но телочки из «Старшей, 10», с которыми я теперь проводила почти все время, добивались своего куда успешнее. Они в основном не тратили силы, пытаюсь скрыть, кто они, или притворяясь кем-то еще. Мона вечно ходила в бейсбольной кепке и огромной футболке с Микки Маусом. Крепкая, мужеподобная; от ее улыбки вся комната озарялась. У Моны был синдром Дауна, как и у ее лучшей подруги – Люси, которая была пострижена коротко, по-мальчишески, и целыми днями рассказывала шутки, начинавшиеся с «тук-тук». Я почти никогда не понимала, в чем соль, но ей так нравилось их рассказывать, что невозможно было с ней вместе не смеяться.

Еще одна из наших, Дебби, в открытую флиртовала со всеми и сходила с ума по мальчикам. Она следила за тем, чтобы косы у нее были аккуратно заплетены; так она себе казалась красивой. Пухлая, моложавая, она искала своего Ромео, как Джульетта. У нее тоже был синдром Дауна. У Бланш лицо было длинное, худое и веснушчатое. Она не стеснялась делать гадости и сразу дала понять, что я ей совершенно не нравлюсь. Я отнеслась к этому с уважением и не попадалась ей на глаза. Мы не тратили энергию попусту на притворство.

Инид была шизофреничкой, ее голос и движения напоминали мне Вуди Аллена. Волосы у нее были короткие, круто вившиеся, рыжие; а невроз был очень сильным. Она часто ходила и говорила сама с собой. Как-то я ей намекнула, что пришло время обедать. Инид ответила: «Не перебивай меня, не видишь, я

разговариваю?» Ну чего, она была права. Я больше так не делала. Инид не выносила пустых разговоров, но была достаточно добра, чтобы иногда со мной славно поспорить. Она была такая умная, что я забывала о ее болезни. Инид была мне кем-то вроде стоической старшей сестры – иногда она отказывалась со мной общаться, а в другие дни мы были не разлей вода. К концу лета она стала мне ближе всех.

Как-то в солнечный денек мне поручили сопровождать Беатрис – милую женщину шестидесяти лет, которая говорила, как Голлум из «Властелина колец», и сходила с ума по Дейву даже сильнее, чем я. Дейв и Беатрис очень нежно друг к другу относились. На вечеринках всем давали понять, что с Дейвом никто не будет танцевать, кроме Большой Б. Росту в ней было всего метр двадцать, но весила она килограммов девяносто – и, хотя речь ее чаще всего было не разобрать, слушать, как она говорит, было занято. Она бормотала что-то, что поняли бы только в Шире, хохотала над своими словами и хлопала себя по коленке.

В тот день у нас в бассейне была запланирована большая игра в Марко Поло. Что лучше подходит для лета, чем игра, выстроенная вокруг венецианского купца-мореплавателя – который то ли путешествовал, то ли не путешествовал по Азии в XIII веке? Я собиралась выиграть – ведь я была моложе своей «Старшей, 10» и знала, что в бассейне возьму верх. Дополнительно меня мотивировало то, что я знала: облачившись в купальники, обитательницы лагеря начинали хватать друг друга за разные места. Особенно меня. Им казалось, что хватать меня за грудь очень весело – и если бы одна из них меня поймала, то сиськи мне изжамкали бы, как лимоны на прилавке с лимонадом. Не то чтобы я была против выражения нежных чувств – просто хватали они всерьез, а на мне синяки остаются, как на персике. Но до начала игры Джоан попросила меня отвести Беатрис в душевую и подождать, пока она переоденется в купальник.

Я привела ее в сырую душевую, и пока она переодевалась в кабинке, рассматривала себя в мутное зеркало. Себя я не узнавала. Мое тело проходило ту подростковую стадию, когда ноги часто ныли от болезни роста. С разницей в день-другой я могла выглядеть то длинной и тощей, то коренастой, похожей на картошку. Единственное, что в то время было постоянным – это разница в размере моих грудей. Правая лидировала с большим отрывом. Левой предстояло догонять многие годы, но она так до конца и не сравнялась. Зеркало затуманивалось все больше, пока я стояла и стояла, ждала и ждала.

– Беатрис?!

Она отозвалась из кабинки ворчанием, как Нелл:

– Влопппр.

– Беа, что там у тебя, сестра? Идем, а то пропустим игру.

Через несколько минут дверь распахнулась, и появилась Беатрис, готовая к хлору, в купальнике и сандалиях Тева. Одна беда: купальник на ней был надет задом наперед. Цельный купальник с низко вырезанной спиной смотрел совершенно не в ту сторону. То, что когда-то было грудями Беатрис, было выставлено на мое обозрение – причем фулл-фронт. Длинные и старые; в то время я еще не видела ничего, что так цеплялось бы за жизнь – и так висело. Они были похожи на игрушечных змей, которые вылезают из поддельных жестянок с арахисом. Жестянки крепились к ребрам Беатрис, а змеи телесного цвета свисали свободно, почти до пола. Она осмотрела душевую, глядя на все, кроме меня. Я остолбенела: только боялась, что меня будут хватать за грудь – и вот пожалуйста, смотрю на нее.

Тут Беатрис по прямой устремилась к двери. Похоже, она совершенно не в курсе про беспорядок с гардеробом.

– Эй, эй, эй! – заорала я, пытаюсь преградить ей дорогу.

Она понимала, что чего-то не хватает, но ей не терпелось в бассейн.

– Ба-ба, – сказала она, имея в виду «бассейн». Думаю, его.

– Нам бы повернуть твой купальник. Он задом наперед, милая.

Она взглянула на меня с гневом в вечно красных глазах. Я видела, что Беатрис готова идти и не собирается позволять мне ее задерживать. Ее не интересовало переодевание купальника; пора было играть.

Я закрыла собой выход, осторожно, но решительно отвела ее обратно в кабинку и сделала, что требовалось. Взяла лямки купальника в руки, спустила их.

Пришлось побороться. Купальник был такой тесный, что мне пришлось опуститься на колени и тянуть изо всех сил. И вот пожалуйста – Беатрис стоит голышом, моргает и таращится, а я пытаюсь ухватить и натянуть на нее купальник из спандекса. Лицо мое почти упирается в ее вагину и грудь, которые в тот момент были, в общем, недалеко друг от друга. Ее мягкие, вытянутые соски лежали на моих обгоревших от солнца плечах, пока я переворачивала купальник.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Под этим советом я явно больше не подпишусь, я-то, в подробностях рассказывавшая со сцены о неожиданной встрече с необрезанным пенисом.

2

Блин, правда, что ли? В этой записи видно, как здорово мамочка промыла мне мозги. Не думаю, что отец был особо привязан к брату, но тут не было ничего личного. Он просто любил только тех детей, которые когда-то выстрелились из его собственного члена.

3

Не знаю, почему «семейные поездки» тут в кавычках. Это были просто семейные поездки; а выглядит так, словно мама нас как наркокурьеров использовала. Мы ездили во Флориду, на озеро Джордж, или в деревенский дом. Я в жизни не держала в руках воздушный шарик с героином.

4

Знаете же старую поговорку... семья, которая едет в разных машинах, скоро развалится.

5

Так и было, но говорить об этом с подростком – не лучший шаг со стороны родителя.

6

Как я уже упоминала, Джейсон отболтался от выпускного класса, ему пришлось уйти из дома и много ездить по стране.

7

Если бы я писала это сейчас, сказала бы «сучки».

8

СУЧКАМ!

9

Мы недавно погуглили девчонку, которая хуже всех обращалась с моей сестрой. Нашли ее на Facebook. Она теперь инструктор по пилатесу, а то как же, и если бы у меня был ее нынешний адрес, я бы опять поехала к ней на велике и сказала, что для меня она так и осталась никудышной злобной девчонкой.

10

Ого, а я вот только что написала, какая она крутая.

11

Невинная и хрупкая? Алё, ей было девять... Чего я от нее ждала? Что она будет шлюховатая и суровая?

12

Я по-прежнему так считаю. Пусть сучки не видят, как тебя колбасит – это и отличный совет, и неплохое название для альбома хип-хопа 80-х.

13

Чтоооооооо? Но мама старалась, чтобы все были довольны, рассказывая нас по разным машинам.

14

И опять, черт: мам, вывалить такое ребенку, который еще в школе учится... ладно, проехали.

15

Рассеянный склероз. Тогда нельзя было посмотреть такое в телефоне, поэтому я просто оставила -оз. Ну, понятно.

16

«Промываааааем, промываем мозги» (поется на «Автомойку»).

17

Я по-прежнему говорю себе это каждую неделю.

18

Похоже, я не боялась быть собой.

19

Никогда не рано говорить гадости про друзей.

20

Сейчас Джен медсестра, у нее трое детей, и мы по-прежнему дружим.

21

Я была в него влюблена.

22

Сейчас Марк барабанщик в группе «Taking Back Sunday».

23

Марк, прости!

24

Я прям с ума сходила по ирландцам. Скорее всего, я или только что делала про них доклад, или посмотрела в гостях с ночевкой «Далекую страну».

25

В отличие от поддельных, халтурных, фальшивых Кеннеди?

26

Меня всегда заводили годные недостатки типа третьей ноги или заикания.

27

Нет, не была.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shumer_emi/devushka-s-tatu-ponizhe-spiny

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)